

И.М. Щёголев

ЧЕРЕЗ СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ (НЕЛЬКАН-АЯН)

Изыскание Нелькан-Аянского тракта.
Экспедиция инженера В.Е. Попова в 1903 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начальника Нелькан-Аянской экспедиции инж. В.Е. Попова.

Из всех отдалённых окраин России к наименее обследованным относится Якутская область. Эта громадная по величине страна долгое время была забыта «Богом и людьми».

И только со времён царствования Александра II, когда в широких размерах пробудилось в России освободительное движение, правительство вспомнило про Якутскую область и нашло её полезной для ссылки всех тех, кто оказывался не удобен для него и неблагонадёжен в политическом отношении.

Но в то же время правительство не знало, что такое из себя представляет эта великая, далёкая Палестина; кто её населяет, какие богатства лежат в недрах её.

В то время о Якутской области имелось лишь смутное представление на основании полицейских рапортов, губернаторских донесений. Научных исследований в том масштабе, как того требовали местные и специальные условия, не производилось. Начальники того времени управляли областью по старинному, рутинному образцу. Они больше кормились сами со своей полицейской челядью, собирали в свою пользу подати натурой — шкурами зверей и нисколько не заботились о том, чтобы познакомиться поближе с теми людьми, над которыми поставлены управлять.

Иностранцы проявляли большее внимание к этой богатой стране с громаднейшими золотыми приисками и ещё в начале прошлого столетия была организована ими «Русско-Американская компания», которая предполагала связать центр Якутской области с одним из лучших портов на Охотском море, а именно Якутск с Аяном.

Мысль дать выход к морю следует отнести к наиболее удачным. Якутская область чрезвычайно удалена от центров. Город Якутск отстоит от железной дороги и центра Сибири, г. Иркутска, на 2.700 вёрст и при этом громадном протяжении имеет только один путь сообщения — водный, по реке Лене. Всё снабжение Якутской области хлебом, товарами, машинами, идёт по этому пути, который на многие недели совершенно закрывается два раза в году, — во время вскрытия реки и ледохода.

Вследствие громадной длины этого водного пути вскрытие и замерзание реки происходит не одновременно, иногда продолжается месяц и более, и поэтому Якутская область два раза в году совершенно отрезывается на долгое время от всего мира. К числу неудобств следует отнести также большую дороговизну передвижения, так как наиболее дешёвый способ — сплав по воде и пароходная тяга — возможен только три месяца в году, после чего устанавливается по льду лошадиная тяга.

В виду изложенного у многих являлось стремление связать гор. Якутск с морем. Существовавший путь в город Охотск, расположенный на берегу моря, нельзя считать удовлетворительным в виду того, что Порт-Охотск принадлежит к числу очень плохих портов; суда не во всякую погоду могут приставать, да и в хорошую они останавливаются в 7-ми верстах от берега, вследствие чего нагрузка и разгрузка товаров сопряжены с большими затруднениями и опасностями, в особенности в бурную погоду. Кроме того, при расстоянии между Якутском и Охотском более чем в тысячу вёрст передача грузов совершается исключительно сухим путём, почему доставка в высшей степени дорога.

Совсем другое представляет из себя направление на Порт-Аян: при сухопутном расстоянии в 200 вёрст через Становой хребет весь остальной путь лежит по судоходным сплавным рекам, что весьма удешевляет провозную стоимость и ускоряет передвижение; кроме того, самый порт представляет из себя один из лучших портов в мире в силу естественных, природных заграждений от господствующих ветров и большой глубины бухты. Пароходы останавливаются в 60-70 сажнях от берега даже во время сильных ветров.

Все эти обстоятельства служили ещё с давних времён побудительными причинами даже для иностранцев развить торговые операции и организовать правильное движение между этими пунктами.

Как я указывал раньше, русское правительство совершенно не интересовалось этой областью. И только после начавшейся ссылки туда политических поднадзорных, интеллигентных людей, которых до того времени Якутская область никогда не видела, началось первое знакомство и изучение этой окраины.

Говоря про исследования, относящиеся до начала политической ссылки, нельзя не упомянуть про экспедицию Миддендорфа, которая дала прекрасные и интересные результаты. Но район исследований этой экспедиции был весьма ограничен, вследствие трудности работ и незначительного числа сотрудников, часть которых была перерезана тунгусами.

Когда Якутская область переполнилась, в конце 70-х годов и в начале 80-х, интеллигентными людьми, сосланными по политическим делам, то началось первое обстоятельное знакомство с нею. Многие из сосланных, прожив более 20 лет в ссылке, отнеслись с большим энтузиазмом к делу изучения быта, нравов, условий жизни, верований тех племён, среди которых им приходилось жить. Попадая прямо из столиц в юрты якутов и урасы кочевых тунгусов, им приходилось тесно сживаться с ними, изучать язык, первоначально с целью иметь возможность прокормиться, не умереть с голоду, а затем уже для знакомства с племенами и их жизнью. Талантливость, способность к наблюдениям, к литературному труду создала целый ряд научных работ. За эти годы было совершено много экспедиций и экскурсий.

Только благодаря участию политических ссыльных возможно было организовать в Якутске статистический комитет, издававший весьма интересные памятные книжки. Благодаря небольшим средствам, пожертвованным Сибиряковым, многие политические ссыльные получили возможность предпринять ряд поездок и заняться строго научными исследованиями. Часть этих трудов уже появилась в свет, другая часть ещё не издана. Возможностью использовать труды, знания и способности этих изгнанников воспользовались даже иностранцы. Американцы командировали двух русских сосланных, Богораза и Йохельсона, в отдалённые места для изучения быта чукчей и тунгусов, снабдив их на два года необходимыми средствами и приборами.

Русское правительство тоже часто прибегало к услугам политических ссыльных. Отменяло в этих случаях строгие полицейские меры,

установленные для надзора за жизнью политических, разрешало разъезды по области; тогда как при других условиях разъезды всегда строго воспрещались циркулярами из Петербурга, стесняя в высшей степени свободу ссыльных и тем причиняя им массу лишений.

По моём приезде в Якутск, вместо отсылки в отдалённые места области, а именно в Колымский край, я был зачислен исполняющим обязанности якутского областного инженера и оставлен на месте жительства в самом Якутске.

С моей новой работой были связаны разъезды по области, и якутский губернатор взял честное слово, что я не воспользуюсь возможностью бежать оттуда, но, несмотря на данное слово, он всё-таки прикомандировал казака, который безотлучно сопровождал меня во всех моих поездках. Нужно заметить, что за последнее время Якутская область стала нуждаться в инженерных силах. Отсутствие дорог, необходимость в постройках больниц, школ потребовали приложения технических знаний и труда.

В начале 1903 года, по предложению иркутского военного генерал-губернатора, мне был сделан запрос, не пожелаю ли я принять на себя руководство экспедицией по изысканию пути между Нельканом и Аяном, тех двухсот вёрст, которые представляют наибольшую трудность в сооружении тракта, а именно в перевале и отрогах Станового хребта.

Согласившись на предложенные условия, я просил дать возможность расширить задачи экспедиции и заняться не только техническим изысканием пути, а также научными исследованиями и собиранием коллекций, в виду большого интереса, который представляет из себя эта часть области. В данном случае для увеличения материальных средств на помощь пришло местное купечество, которое ассигновало дополнительные деньги, и благодаря его просвещённому вниманию удалось расширить программу работ и пригласить лучших сотрудников.

Мне был предоставлен свободный выбор членов экспедиции. В то время в Якутской области находились студенты Московского университета, сосланные по распоряжению министра Сипягина в 1902 году. В их числе находились двое уже окончивших курс наук, один по математическому факультету — Александр Алексеевич Ховрин, другой по естественному — Иринарх Михайлович Щёголев. Оба любезно согласились принять участие в экспедиции.

Первый — Ховрин — принял на себя, помимо инструментальной съёмки, ещё собирание геологической коллекции, антропометрическое измерение тунгусов и гипсометрическое и геологическое исследование главного перевала хребта. Второй — Щёголев — взялся собирать коллекции по энтомологии, ботанике и зоологии и составить очерк флоры и фауны пройденного пути.

Кроме них, с большими трудностями удалось пригласить бывшего шлиссельбургца Василия Семёновича Панкратова и сосланного Павла Фёдоровича Теплова; затруднения заключались в том, что губернатор не соглашался отпустить их из Вилюйска, куда они были причислены, и потребовалось возбудить целую переписку с департаментом полиции. После долгих моих настаиваний на необходимости пригласить этих двух полезных сотрудников, наконец, департамент полиции уступил и разрешил зачислить их в состав экспедиции.

Кроме них, я пригласил ещё двух старых сосланных, старика Всеволода Михайловича Ионова и известного составителя якутского словаря Эдуарда Карловича Пекарского, в руки которых передал все этнографическое исследование приаянских и устьмайских кочевых тунгусов в связи с экономическими условиями жизни, приведшими их к обнищанию и постепенному вымиранию.

В силу полицейских соображений правительство нашло необходимым прикомандировать к экспедиции двух казаков и одного офицера-казака, на обязанности которых тайными инструкциями было возложено препятствовать членам экспедиции совершить побег, который чрезвычайно легко привести в исполнение в Порт-Аяне, куда на стоянки приходят иностранные суда.

Нужно заметить, что это обстоятельство — конвой из казаков — могло бы стеснить и затруднить в высшей степени работу экспедиции, если б якутский губернатор не подчинил их мне полностью в решении всех вопросов экспедиции, оставив за ними право стрелять в том случае, если бы кто-нибудь из нас вздумал бежать. Кстати их снабдили берданками старого образца, купив их в казне за счёт экспедиции, но которыми пользовались также все члены экспедиции в целях охоты.

После долгих сборов, отбирания разных сведений об этой местности у бывавших людей, экспедиция выступила в путь в первых числах февраля; возвратилась обратно в Якутск в первых числах сентября; пробыла в пути таким образом 6 месяцев.

Не вдаваясь в подробности всех результатов работ, отмечу только, что недостаток в материальных средствах сильно давал себя чувствовать и неблагоприятно отражался на работах. Самое большое неудобство и стеснение приходилось испытывать от недостатка перевозочных средств. Несмотря на большое количество лошадей, перевозка грузов и пищевых продуктов чрезвычайно затруднялась вследствие того, что единственно возможный способ передвижения в той местности — вьючный, причём наибольшая допускаемая нагрузка на каждую лошадь не должна превышать 5-6-ти пудов, или на оленя — полтора-два пуда.

Кроме того, приходилось прорубаться, и продираться сквозь непролазную девственную тайгу, переходить вброд многочисленные бурливые реки и ручьи, передвигать экспедиционный лагерь с коллекциями, пожитками и пищевыми припасами сообразно с местонахождением более или менее сносных лошадиных или оленьих кормовищ, которые не всегда были в достаточном количестве.

Лошадьми приходилось пользоваться только для перетаскивания тяжестей; все перемещения членов экспедиции, рабочих-тунгусов совершались пешком, причём иногда приходилось делать в сутки по 15-20 вёрст; были случаи рекогносцировок по 30 вёрст в день. Это обстоятельство заставляло сокращать и урезать намеченные ранее программы, преследуя главную цель техническую — изыскание пути, относя остальные научные работы к попутным, добавочным. Что касается технических работ, то они выполнены в большем масштабе и более закончены, нежели научные.

Удалось отыскать более удобный перевал через главный хребет Джугджур, который на многие сотни вёрст загородил дорогу к морю, с массой отрогов, идущих по обеим сторонам главной оси, чередующихся с долинами мелких горных речек.

Этот Джугджур напоминает по своей форме гигантскую тысячножку, туловищем которой служит основной хребет, а конечностями — его горные отроги, осыпанные каменной чешуёй. В исследованном районе ось Станового хребта ясно выразилась в направлении S-N, которая даёт в горизонтальной проекции синусоиду.

Выбранный перевал известен среди местного населения под названием «Джугджур Второй»; он образуется долинами двух речек: «Кресь-Танча» — с аянской стороны и «Джугджур Второй» — со стороны Нелькана. Представляя из себя седло средней высоты около 4 тысяч футов,

он обладает пологими скатами, покрытыми мхом и низкой растительностью, и наименее других подвержен действию губительных пург на Джугджуре, благодаря удачному расположению отверстия его седла относительно стран света.

Кроме того, удалось отыскать другое направление, которое хотя и удлиняет линию на 10 вёрст, но представляет большие преимущества в техническом отношении, а именно: долины несравненно шире и гуще покрыты растительностью; горные реки и ручьи отстоят дальше от проектируемой дороги, в виду чего не потребуется строить весьма дорогостоящих подпорных стенок. Затем, меньше наледей, которые зимою совершенно прекращают всякое сообщение, и нет второго большого перевала, который у тунгусов называется «Малый Джугджур». Все эти преимущества дают положительный перевес новому направлению, которое в настоящее время и разрабатывается.

Что касается собранных коллекций, то они отосланы в Академию Наук и, по сообщению члена Академии г. Аделунга, представляют большую ценность. Распределены они следующим образом: коллекции бабочек поступили к г. Герцу, коллекции насекомых — к г. Аделунгу, птиц — к профессору Мензбиру, гербарий — к академику Бородину.

Описания этих коллекций ещё не получены, кроме как от профессора Мензбира, которому от имени нашей экспедиции приношу глубокую благодарность.

В настоящем печатном труде помещаю дневник экспедиции г. Щёголева и естественно-исторический очерк — его же, которые составят первую часть работ экспедиции. Г. Щёголев приносит свою благодарность казачьему офицеру А.И. Казанцеву, который служил ему переводчиком при записях якутских названий растений и насекомых.

Инженер В.Е. Попов.

I.

От Якутска до с. Устьмайского.

В начале 1903 года и. д. якутского областного архитектора, гражданского инженеру В.Е. Попову, было поручено г. якутским губернатором организовать экспедицию для изыскания тележного тракта между с. Нелькан (в верховьях р. Май, притока Алдана, впадающего в р. Лену) и

Аяном — портом на Охотском море. Расстояние между этими пунктами 200 с небольшим вёрст.

К концу февраля хлопоты по снаряжению экспедиции закончились, и 2 марта два члена экспедиции, В.С. Панкратов и А.А. Ховрин, с казаком М. Жирковым выехали из Якутска. 5 марта выехали П.Ф. Теплов и автор этих записок с казаком Н. Явловским. 8 марта выехал начальник экспедиции В.Е. Попов и офицер якутского казачьего полка А.И. Казанцев.

Сборным пунктом членов экспедиции было назначено с. Усть-Майское, в 361 версте от Якутска, при впадении р. Май в Алдан.

Работы экспедиции должны были начаться из Нелькана, куда экспедиции прибыла 4 апреля. 10 апреля выступила с работами из Нелькана и к 23 июня вторая партия дошла до Аяна, откуда первая партия, отделившаяся на 100-ой версте и прибывшая на оленях в Аян зимним путём, — 18 июня выступила с работами по «Казённой тропе» через перевал «Казённый».

Таким образом, работы производились с двух пунктов. Первая партия снимала старый путь от Аяна, вторая изыскивала новый путь и новый перевал.

Чтобы несколько разобраться в этих названиях, я вкратце напомним историю Нелькан-Аянского тракта. В 1820-30-х годах существовала Российско-Американская Компания, которая вела обширную торговлю по всему побережью Охотского моря и прилегающим частям океана. Ей принадлежали и котиковые промыслы. Снабжая край чаями и металлическими изделиями, она в обмен вывозила пушнину и продукты хозяйства тунгусов и якутов. Обслуживая Охотское побережье, она простирала свою деятельность далеко вглубь страны, доходя до Якутска, как более крупного центра якутской области, связанного р. Леной с более южными частями Сибири. Сношениям Р.-А. К°, складочным пунктом товаров которой был порт Аян, мешало отсутствие какого бы то ни было пути между Нельканом и Аяном и, главным образом, Становой хребет (Джугджур).

Честь проведения дороги между названными пунктами через Становой хребет принадлежит Р.-А. К° в 52-53 годах. Она же вызвала из отдалённых уголков Иркутской губернии и Забайкалья крестьян для обслуживания этой дороги и тракта от Нелькана до Устьмайского, и осадил многих бродячих тунгусов на более или менее постоянные места жительства. Для этой же цели русское правительство снабдило новосёлов

необходимым количеством лошадей и оленей; выдавала казённое довольствие — «паёк» держателям станков, так как земледелие в этих местах тогда ещё не практиковалось, и население питалось привозным хлебом.

Всё, казалось, устроилось как нельзя лучше. Огромные партии чаёв шли внутрь страны под покровом порто-франко, из страны к берегам Охотского моря двигались партии пушнины. Почтовые экипажи мчались по тракту, проложенному в дотоле непроходимой тайге, и быстрые лодки рейсировали взад-вперёд по р. Мае. Но, по причинам нам неизвестным, дела Компании стали шататься, и вскоре она принуждена была передать их в другие руки.

Жизнь, бывшая ключом в этих местах, стала заметно хиреть, и энергичнейший предприниматель последнего времени, Филиппеус окончил жизнь в 1889 г. в один из последних предсмертных вздохов этого огромного некогда предприятия. В 1867 году закрылся почтовый тракт, и население мало-помалу стало возвращаться в свои родные места, или устраиваться около тракта на новую жизнь.

Перевал через Становой хребет, так называемый «Казённый» перевал был выбран настолько неудачно, что вскоре по своём открытии вызывал одни проклятия лиц, которым приходилось иметь с ним дело, — особенно тунгусов-возчиков грузов. Действительно, со стороны Охотского моря это чуть не отвесный обрыв. Уже тогда делались попытки обходить его, но изыскание нового перевала было не под силу отдельным тунгусам, а с прекращением действий Р.-А. К° в 60-х годах, когда дело Р.-А. К° перешло в руки якутского купца Колесова, осуществление этих попыток стало ещё более трудным.

Как бы то ни было, но «Казённый» перевал (по рекам Кынгычан — Алдома) был заброшен. Рассказы тунгусов и купцов, побывавших на этом перевале, вызывают ужас и удивление перед настойчивостью и выносливостью возчиков и их оленей.

На перевале поднимается настолько сильная пурга, что силой ветра сбрасывает людей и оленей вниз¹. Взбираться в это время на перевал никто не решается, и все обозы «отлёживаются» внизу, ожидая более тихой погоды. Крутизна подъёма настолько велика, что вместо 3-х мест на нарту грузится только одно, да и при таком грузе только хорошие олени в состоянии ввезти нарту на вершину перевала.

¹ В зимние месяцы ветры дуют здесь из страны в море.

В попытках избавиться от такой муки тунгусы нашли более 15 перевалов. Все они имеют свои недостатки, но все лучше «Казённого». Не раз поднимался вопрос лицами, заинтересованными в этом деле, об изыскании более удобного перевала и более совершенными способами, и только в 1894 году была снаряжена небольшая экспедиция под начальством дорожного техника г. Сикорского¹. Последний остановился на старом перевале («Казённом») и представил смету г. якутскому губернатору.

В 1902 году вопрос о Нелькан-Аянском тракте поднялся вновь, и смета г. Сикорского была передана гражданскому инженеру В.Е. Попову, который со сметой г. Сикорского не согласился. Тогда возникла мысль о снаряжении новой экспедиции, начальником которой, по распоряжению иркутского военного генерал-губернатора Пантелеева, был назначен инженер В.Е. Попов.

Экспедиция, как сказано, выступила в начале марта 1903 года.

Кроме работ чисто технического характера, члены экспедиции, по предложению В.Е. Попова, согласились заняться попутно этнографией (П.Ф. Теплов), геологией (В.С. Панкратов и А.А. Ховрин) и собиранием флоры и фауны (автор этих записок). Два члена экспедиции, В.М. Ионов и Э.К. Пекарский, получив дополнительные поручения от якутского статистического комитета, имели выехать из Якутска в Нелькан первым пароходом.

Кроме того, инженером Поповым было поручено гг. Ионову и Пекарскому собирание этнографических коллекций на месте работ по пути следования для музея Александра III, для каковой цели были присланы директором этого музея г. Клеменцом 1600 рублей по предварительной смете, составленной инженером Поповым.

Экспедиция по изысканию тракта вернулась в Якутск 1 сентября 1903 г., избравши перевал «Танча» он же «Джугджур II», и удостоверившись в возможности тележного тракта между Нельканом и Аяном по новому перевалу.

Материалы, добытые экспедицией, имеется в виду обработать и своевременно опубликовать.

Итак, сборным пунктом членов экспедиции было назначено село Устьмайское.

¹ См. «От Якутска до Аяна» Я.В. Стефановича, изд. Вост. Сиб. отд. И.Р.Г.О.

Первый отряд (В.С. Панкратов и А.А. Ховрин с казаком М. Жирковым) с лёгким багажом выехал из Якутска 2 марта с тем, чтобы в с. Амге закупить лошадей и провиант: мясо, муку, масло и др. необходимое для довольствия экспедиции первое время.

Но, прибыв в Амгу, отряд не встретил поддержки среди местного купечества — цены на лошадей и продукты были настолько высоки, что пришлось отказаться от покупки. К тому же амгинские купцы уверяли, что экспедиция слишком поздно выступила из Якутска и едва ли успеет пробраться в Нелькан, так как р. Мая, по которой пролегает путь, должна вскоре вскрыться. Оставалось вернуться в Якутск за покупкой лошадей и продуктов, или двинуться в Устьмайское, о котором те же купцы говорили, что там достать ничего нельзя.

К счастью, в Амге нашлись люди, сочувственно отнёсшиеся к экспедиции. По их совету, наш передовой отряд двинулся в Устьмайское, где, как уверяли они, всего вдоволь, и что амгинские купцы несколько преувеличивают опасность положения экспедиции по причинам, слишком плохо скрываемым.

В Устьмайском, действительно, наш отряд нашёл всё необходимое, благодаря бескорыстному, отзывчивому старику из сектантов с. Петропавловского, Увару Фаддеевичу Воробьёву. Он не только продал своих лошадей, но любезно взял на себя труд скупить лошадей у своих односельчан, а главное, приложил свою опытность в определении способности лошадей к предстоящему длинному и тяжёлому пути; 9 коней было куплено по 55 руб. затем пришлось прикупить ещё пять, из коих за 3 коня было заплачено по 75 руб.; 45 пудов мяса было куплено по 2 р. 50 коп.; 12 пудов масла по 17 руб. Сухари ржаные по 3 руб. за пуд, пшеничные — 4 руб. Овёс по 1 руб. за пуд. При содействии этого симпатичного старика были приобретены и продукты, необходимые для продовольствия экспедиции на первое время, так как в дальнейшем ожидалась доставка большой партии провианта на Нелькан с первым пароходом из Якутска, и на Аян — Охотским морем из Владивостока.

Таким образом, сверх ожиданий, в Устьмайском всё устроилось, как нельзя лучше. По уверениям устьмайских жителей, экспедиция выступила в самое удобное время.

Село Устьмайское расположено на левом берегу Алдана при впадении в него Май. Населено потомками русских станичников, обслуживавших некогда тракт. Все устьмайцы говорят прекрасно по-якутски, а некоторые не знают другого языка.

Небольшое сельцо в 10-12 домов, построенных на русский лад, вытянулось вдоль высокого берега саженьх в пятидесяти от воды. Позади села начинается густая лиственничная тайга, местами расчищенная для посевов: — устьмайцы занимаются хлебопашеством. Небольшая церковь на возвышенном месте господствует над селом. В селе школа и метеорологическая станция от иркутской обсерватории (станция находится в заведывании учителя).

В 7 верстах от Устьмайского, вверх по Алдану, расположены друг против друга, через реку, два скопческих селения: Троицкое и Петропавловское (оно же Чиран). Жители обоих селений занимаются хлебопашеством, скотоводством и торговлей, практикуя в последней обычные в Сибири способы: отдачу в кредит с рассрочкой платежа, затягивающей покупателя всё более и более в кабалу к продавцу. Покупателями являются устьмайцы, а больше всего тунгусы, у которых скопцы покупают пушнину, расплачиваясь в большинстве случаев товарами. В сёлах довольно развито огородничество и здесь не редкость встретить арбузы, огурцы и другие огородные овощи. Работают скопцы при помощи наёмных рабочих: тунгусов и устьмайских крестьян. Тех и других нанимают на более тяжёлые работы, например, расчистку тайги под пашни.

II.

От Устьмайского до Нелькана.

К 15 марта все члены экспедиции были в сборе. Оставалось нанять рабочих для ухода за лошадьми и сдать экспедиционный груз для доставки на «проходных» лошадях в Нелькан, что и было сделано в один день.

17 марта в ясный, солнечный день, при небольшом морозе, экспедиция, провожаемая до берега всем населением, тронулась в путь. Спустилась с крутого берега и, пересекши реку Алдан, вступила в тайгу противоположного берега. Первый переезд был всего 7 вёрст, так как, по правилам здешней езды, лошади, долго не бывшие в упряжке, должны втягиваться в работу постепенно.

Первую ночь провели у довольно зажиточного тунгуса Трубачёва. В избе его, построенной на русский лад, имелось два отделения, отгороженных дощатой стеной. Стены выбелены глиной и местами оклеены картинками из иллюстрированных журналов; на стене часы, под стенами деревянные диваны, стулья. На стене под образами небольшая почерневшая от времени дощечка с воткнутой в неё палочкой. Как оказалось потом, это — календарь хозяина. Праздники и дни почему-либо замечательные для семьи хозяина отмечены условными знаками. Календарь сделан в 1849 году, о чём на обороте имеется соответствующая надпись и подпись мастера. Рассказывают, что есть среди тунгусов мастера-специалисты по этой части, они же от времени до времени проверяют эти календари. Трубачёв до полночи просидел с нами за разговорами, хотя ему и очень трудно говорить: у него горловая болезнь и говорит он шёпотом. Он сообщил нам, что место, где он живёт, называется «огóх-урюя» («печь-река») потому, что некогда на месте его избы стояла большая печь, в которой тунгусы плавил железную руду. Он помнит, что из печи шла высокая труба, что в печь бросали уголь. Руду брали из горы, которая находится в 2-3 верстах от его избы. На дворе и сейчас есть яма с остатками шлака. С тех пор уже никто не повторяет опыта тунгусов. Сам Трубачёв хотя и кузнечит, но железо покупает. Он, кроме того, плотник, хлебопашец. У него большое хозяйство.

На вопрос о происхождении и значении слова «тунгус», он охотно рассказал нам целую историю. Тунгусов стали называть этим именем со времени крещения. Крестили их целыми толпами. Священники и казаки, сняв с них рубахи, производили обряд крещения. Ни священники, ни казаки (по словам рассказчика) ни по-тунгусски, ни по-якутски не знали. Как-то во время крещения в избу вбежали дети и, держа в руках белку, попавшую в «чёркан»¹ кричали: «тонг-мут»², что значит «замёрзший», так как белка действительно успела замёрзнуть. С тех пор русские стали называть тунгусов этим именем.

18 марта утром мы распростились с гостеприимным хозяином и тронулись в путь.

День довольно тёплый (+6° С.). Весна едва начиналась; по лесу толстый слой снега, возле строений показались проталины.

¹ Автоматически действующий лучок.

² Слог «онг» тунгусы произносят в нос.

Дорога идёт то по льду реки Май, то уходит в глубь тайги. Лес лиственный или смешанный: еловый и лиственный; изредка попадаются берёзовые рощи по краям кочковатых низин.

Берега Май — почти отвесные скалы, покрытые наверху сосновым лесом и разукрашенные цветными лишаями и накипями. По скалам лежат гнёзда стрижей.

До следующей остановки — Намудыр — проехали 25 вёрст. С этих пор дневной перегон стал постепенно увеличиваться и в дальнейшем двигались с таким расчётом, чтобы в день проезжать вёрст 30-40. После 15-20 вёрст останавливались, чтобы покормить лошадей, пообедать или попить чаю, а к вечеру добраться до ночёвки, если впереди, по рассказам ямщиков, ожидалось жильё; или же ехать, пока видно, и ночевать на открытом воздухе. По всему пути встречаются одинокие юрты или избы, заброшенные и полуразрушенные или же населённые тунгусами или же русскими крестьянами (от Устьмайского до Нелькана их более 20, на расстоянии свыше 600 вёрст). При каждой юрте или избе небольшие хозяйственные постройки, иногда двор огорожен невысокой поскотиной. На дворе бродят лошади и рогатый скот.

Юрты и избы часто с «хотонами», отделёнными от жилой комнаты неплотной бревенчатой перегородкой, так что, несмотря на сильную тягу в камельке, в избе чувствуется запах «хотона» (хлев, где содержатся коровы). Эти одинокие жилища расположены на местах прежних станков или вблизи их.

Обитатели их — потомки прежних станочников, некоторые же переселились сюда из других мест по упразднении тракта.

Теперешнее население занимается промыслом зверя и рыбы, а также в небольшом размере хлебопашеством и сенокошением. Главную статью дохода остаётся пушной промысел.

Месяц март как раз период «белкования» — промысла белки, и потому часто в юртах мужского населения нет. «Белковщики» уходят из дому на целые месяцы. На длинной узкой нарте, которую промышленник тянет за собою на лямке, перекинутой через плечо, уложен необходимый запас ржаной муки для лепёшек, масло, чай, чайник, котелок, винтовка и необходимые к ней принадлежности.

На широких лыжах, обтянутых сахатиной или телячьей шкурой, с палкой, на конце которой приделано в горизонтальной плоскости ко-

лечко, дабы она не проваливалась глубоко в снег, промышленник с собакой уходит вёрст на 100-200 от дома в необитаемую тайгу. Здесь, выбрав удобное место, он разбивает «урасу»¹ и от неё, как от базы, промышляет по окрестностям вёрст на 30-40. Собака ищет белку, загоняет её на дерево, и лаем даёт знать хозяину, который стреляет зверка, шкуру сдирает тут же; мясо идёт в пищу.

Обстреляв этот район, промышленник передвигается дальше. Белка водится здесь в большом количестве и составляет предмет торговли тунгусов с нельканскими купцами или устьмайскими скопцами. Кроме белки, водятся горностаи, медведь, лисица, рысь, росомаха, кабарга, лоси (сахатый), олени, но видной роли в торговле не играют.

В летнее время население занимается хлебопашеством и сенокосением, благодаря чему всю дорогу можно было иметь сено для лошадей, хотя здесь лошади иногда и зимою питаются подножным кормом, добывая его из-под снега. Для экспедиционных лошадей можно было почти везде достать сено. Если же впереди этого не предвиделось, то закупили несколько возов с доставкой вперёд на предполагаемую остановку. За прокорм лошади в течение ночи платили 15-20 коп. От Намудыра ехали по льду реки Май. Отвесные каменные берега высоко поднимаются над дорогой. Местами из этих скал выдаются высокие «столбы» той же породы. В других местах порода разбита на огромные кубы, составленные из тончайших прослоек, так что вся фигура напоминает сложенную в кипы обёрточную бумагу. Вершины скал покрыты сосновым лесом.

Внизу у самой воды высокие тальники, над которыми висят стройные темно-зелёные ели.

Вёрст через 15 подъехали к небольшой избе-юрте, сложенной из горизонтальных брёвен. В окнах вставлены вместо стекла небольшие его кусочки, вшитые в берестяной переплёт конским волосом. Юрта стоит на высоком мысу, образуемом р. Аяю, притоком Май. Перед входом в юрту в небольших сенцах развешаны принадлежности для промысла: кремнёвые ружья, винтовки, луки-самострелы, «чёрканы», «пальмы»².

¹ «Ураса» — установленные конусообразно тонкие жерди, покрытые сверху материей, шкурами, корьём. Вверху оставляется отверстие, через которое выходит дым от очага, расположенного в центре урасы.

² «Пальма» — широкий длинный нож, надетый на древко. Употребляется, как и русская рогатина.

Ружейные стволы оправлены в самодельные ложа с массой приспособлений для взведения и опускания курка. На некоторых стволах ещё заметны остатки надписей: «Тула 1828», «Tower» с короной.

Рис. 1. Берег реки Май. Экспедиция в пути.

Внутри низкой юрты, направо от входа, на высоте двух аршин от пола, устроены нары, на которых помещается 80-ти-летний старик, тут же развешана его одежда. Старик, по-видимому, не слезает с своего лога. Под остальными стенами широкие нары. Небольшой, низкий камелёк выдвинут на середину юрты. За редкой перегородкой слышится мычание коров. Живут в этой юрте тунгусы. Один из них женат на устьмайской крестьянке, которую трудно отличить от якутки.

Тунгусское население юрты было измерено, причём женщин приходилось долго уговаривать. Они соглашались только после толковых объяснений с ними А.И. Казанцева, хорошо знающего якутский язык (кроме него и двух казаков, никто из членов экспедиции не владел в до-

статочной мере якутским языком). После снимались тунгусы, как мужчины, так и женщины более охотно, и просили карточку. В этнографическую коллекцию здесь был приобретён набор принадлежностей для кремнёвого ружья: насечки, протравки, запалы и прочее. На предложение продать детскую колыбельку, сделанную из бересты и обшитую внутри мехом, тунгуска ответила отказом. Она считает за грех продавать колыбель вообще, а теперь тем более, так как у неё и так дети «не стоят» — умирают.

Спустившись с высокого берега Аяи, въехали на лёд р. Май. До ночёвки на станке Урюя ехали то льдом реки, то прибрежными лесами. Место ночёвки называется собственно Джамага, хотя и первое название удержалось за ним по старому станку.

Через несколько минут после нашего приезда прибыл тунгус Тимофей, который, как выяснилось после, принимал участие в экспедиции г. Сикорского в 1894 году. Он возвращается с «белкования», жалуется на плохой промысел, причину которого видит в большом количестве промышленников, которых выгнала в тайгу высокая цена на белку (35 коп.).

Утром перед выездом из Урюи ко мне подошла старуха и шёпотом попросила «кумахи» (бумаги) подостлать под иконы. В каждой юрте, в углу против дверей в том месте, где сходятся матицы, прикреплена небольшая полка, украшенная резьбой. На этой полке помещаются иконы, перед ними прилеплены восковые свечи; сбоку лежит крыло, которым с икон сметают пыль. Получив бумагу, старуха в знак благодарности низко поклонилась.

20 марта. День тёплый (0° С.). Возле жилья лужи воды. Слегка дует ветер, падает небольшой снег. Небо покрыто разорванными весенними тучами. Солнце заметно пригревает. Падающий снег тает. Дорога плохая. По глубокому снегу большие ухабы. Идти можно только по колее; в полуаршине от дороги снег выше колена. По пути много островов, покрытых тальниками, за которыми темнеют зелёные еловые рощи.

На полуденном привале к нам подошли два тунгуса-«белковщика», возвращавшиеся с промысла домой. Так как мы ещё не отпили чай, то пригласили их к столу, тут же на снегу. Во время чая они рассказывали о своих странствованиях. «Белковали» они 20 дней и за всё время не сделали ни одного промаха. Кончив чай, мы распростились с промышленниками.

Рис. 2. Привал на берегу реки Май; справа «белковщики».

По сторонам дороги высокие берега Май, покрытые наверху сосновым лесом. Отвесные скалы расцвечены лишаями. Среди скал огромные «распадки», заваленные лесом, смытым весеннею водою. Громадные лесины вместе с почвой, на которой они росли, сползли вниз и опрокинулись. Местами порода сильно размыва водою и вдаётся в воду округлыми выступами. На карнизах масса гнёзд стрижей, прилепленных одно к другому. Полоса этих гнёзд тянется иногда на сотни сажен. Теперь эти гнёзда пусты. На другом берегу, ушедшем от первого довольно далеко, синее группа высоких холмов, покрытых лесом, сквозь который просвечивает белый снег.

Уже стемнело, когда наши лошади вдруг заржали. В ответ послышалось оживлённое ржанье и вскоре на реке мы увидели наш обоз, ушедший из Устьмайского за день перед нашим выездом.

Посыпал снег и закрыл окрестности; перед нами чернел высокий, крутой берег. К жилью пришлось взбираться обходным путём, так как со стороны реки берег неприступен.

Жилище настолько тесное, — всего в одну комнату, — что нам, даже без хозяев, невозможно было бы разместиться в нём. Потолок настолько низок, что то и дело приходилось доставать его головой. В одном углу большая печь, в другом камелёк, в третьем постель хозяев, в четвёртом стол. Среди комнаты не более квадратного аршина свободного места.

Живёт в этой избушке Андрей Петрович Иванов, известный в округе больше под именем «Чекменя». Ему более 70 лет. В старые годы он был вызван из Забайкалья для обслуживания тракта ещё во времена Р.-А. К°. С тех пор переменил много мест и осел, наконец, здесь, при впадении реки Чабды в Маю. Он один из немногих, оставшихся здесь по упразднении тракта. Скоро он собирается оставить и это насиженное место и перебраться к Устьмайскому «ближе к людям»¹. Он ожидает смерти и потому боится, что здесь его некому будет схоронить.

Я бы не останавливался долго на этом старике, если бы он не представлял собою интереса, как свидетель некогда гремевшей Р.-А. К°, а ещё более, как известный во всей округе промышленник. В нём воплотилась наблюдательность тунгуса, изобретательность и приспособляемость русского мужика, заброшенного в необитаемую тайгу.

Мы кое-как улеглись на полу его избушки, вынеся предварительно почти всю мебель. Часть спутников спала на дворе, в своих нартах. Когда Андрей Петрович улёгся со своей супругой на широкой постели, полились его захватывающие рассказы. Несмотря на преклонный возраст и болезнь желудка, он не перестаёт промышленячь и до сей поры. С малых лет он помнит себя промышленником. Изучил в подробностях жизнь и нравы зверя, с которым ему приходится иметь дело, почему промысел его необыкновенно успешен. В прошлом году у него было 4 приручённых сахатых. На них он ездил верхом на промысел, причём настолько выдрессировал этих животных, что они, по его команде, ложились на землю, для того, чтобы хозяин мог на них взобраться. С дикими зверями ему не раз приходилось вступать в рукопашную и даже пускать в ход свои зубы.

¹ На обратном пути мы застали его уже в Устьмайском.

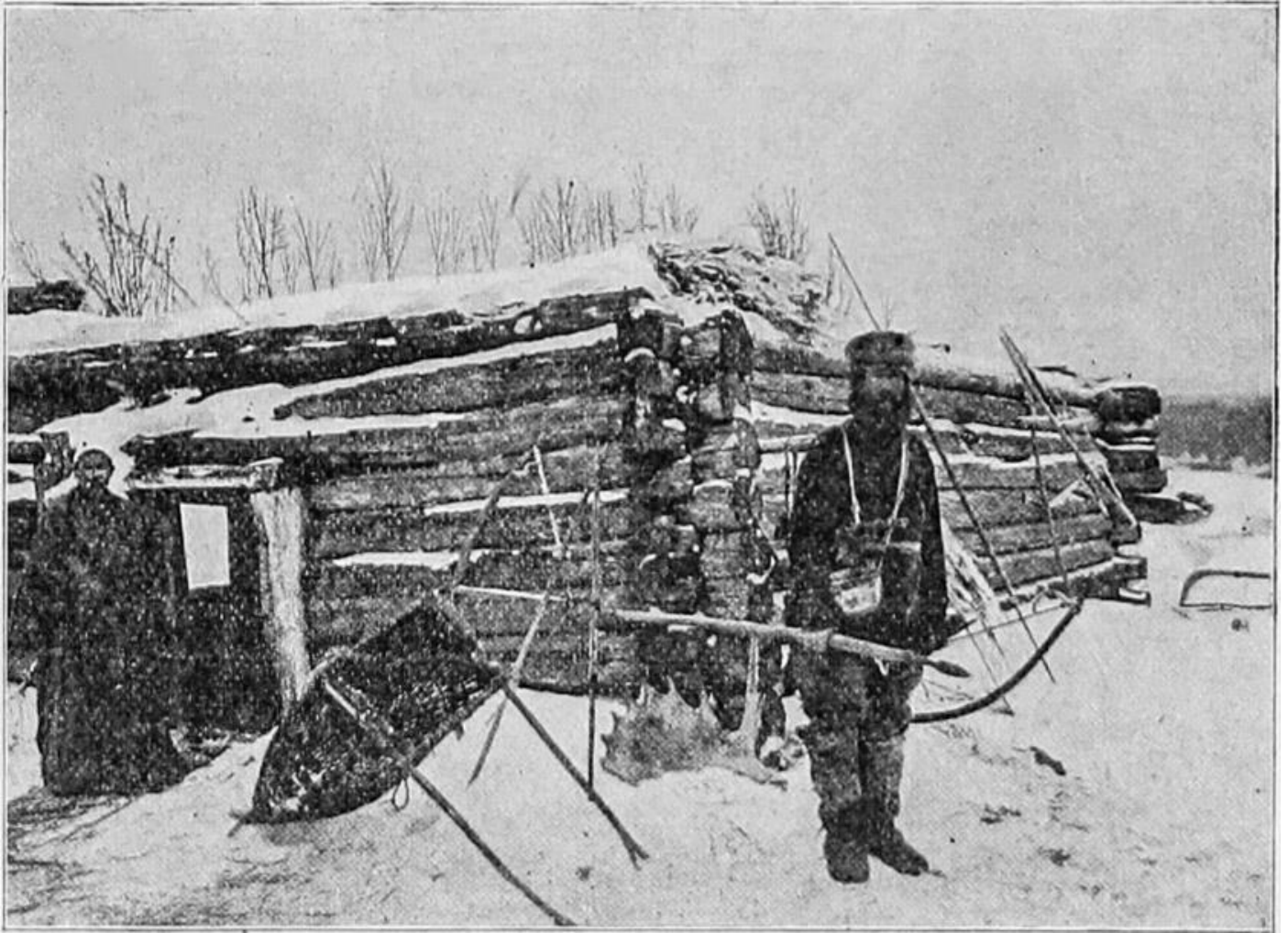

Рис. 3. Жилище Андрея Чекменя; Андрей и его жена.

Если бы не преклонный возраст рассказчика и его искренний тон, можно было бы усомниться в правдивости рассказанных происшествий, которым место только на страницах «истинных» охотничьих рассказов.

Андрей Петрович славится даже среди тунгусов-промышленников знанием звериных повадок; никто лучше его не умеет настораживать луков-самострелов, искусство настолько сложное, что немногие опытные промышленники могут им похвастать. Здесь требуется настолько точный расчёт, чтобы стрела, вылетевшая из лука, попадала в сердце зверя, в противном случае он убегает далеко в тайгу, где и пропадает. Иногда же стрелы с обломанными концами остаются в животном на всю жизнь, обрастая мясом. Андрей Петрович знает много секретов для приготовления «помётов»¹ для лисиц. Им же изобретено несколько лову-

¹ «Помёт» — стрихнин, заложенный в мясо или рыбу и разбрасываемый в местах, посещаемых зверем.

шек для мелкого зверя и усовершенствованы старые тунгусские. Ценность всех этих изобретений понятна только промышленнику, который при плохо настороженных луках, неудачно устроенных ловушках и т. п. рискует не промыслить ничего.

Медведям, которых он извёл на своём веку, Андрей Петрович потерял счёт, но, с тех пор как медведь ободрал ему ногу до кости, он не ходит на него; недавно только, вследствие усиленной просьбы тунгусов, пошёл выгнать медведя, который, в отсутствие хозяев, забрался в юрту, где переломал всю мебель. Андрей Петрович убил его из винтовки.

В настоящее время Андрей Петрович ведёт более покойную жизнь, промысляет только вблизи своей избы и ловит рыбу на берегу Май.

Он охотно рассказывает о своих приключениях, и в его рассказах слышится любовное отношение к зверям, с которыми он более или менее сжился. Трудно сказать, глядя на старика, обросшего до самых глаз длинною бородою, с длинными волосами на голове, с добрыми живыми глазами, напоминающего по виду отшельника старых времён — что это лучший охотник по всей Майской округе.

Уже было поздно, когда Андрей Петрович, пожелав нам спокойной ночи, завернулся в одеяло. Хотелось слушать его захватывающие рассказы, но усталость давала себя чувствовать.

Утром хозяин с хозяйкой проводили нас на лёд Май, и мы расстались. Уже наш обоз давно отъехал от крутого берега, а внизу на льду реки всё ещё стояли две чёрные фигуры. Высоко над ними на крутом берегу темнела едва заметная избушка.

21 Марта. Слегка пасмурное, тёплое утро. После полуденной остановки, только что спустились с берега Май, поднялся сильный ветер. Небо потемнело, навстречу нам понеслись белые столбы снега, и вмиг нас засыпало пургой. Окрестности закрылись мелким крутящимся снегом. Минут через 10 всё стихло. Небо прояснилось. Пошёл крупный снег. Всю дорогу то поднималась пурга, то крупными хлопьями падал снег. Дорогу занесло сугробами снега. Мороз увеличился (-11°C).

Кое-как добрались до ночёвки Кыкынайдах в 3 верстах от старого станка Улу-кута. Живёт здесь старик тунгус с большой семьёй. Сена у него мало, и потому он продаёт неохотно. Весь двор занят хозяйственными пристройками. Два отдельных «хотона», два небольших амбарчика и посреди двора большой навес на 4-х столбах. Под навесом сло-

жены принадлежности для промысла: луки, стрелы, «чёрканы», носилки, надеваемые на плечи для переноски необходимого во время странствований по тайге провианта. Тут же свалены остатки добычи: сахатинные головы, мясо, снятые шкурки. Несколько поодаль развешана одежда. Это — кладовая тунгуса.

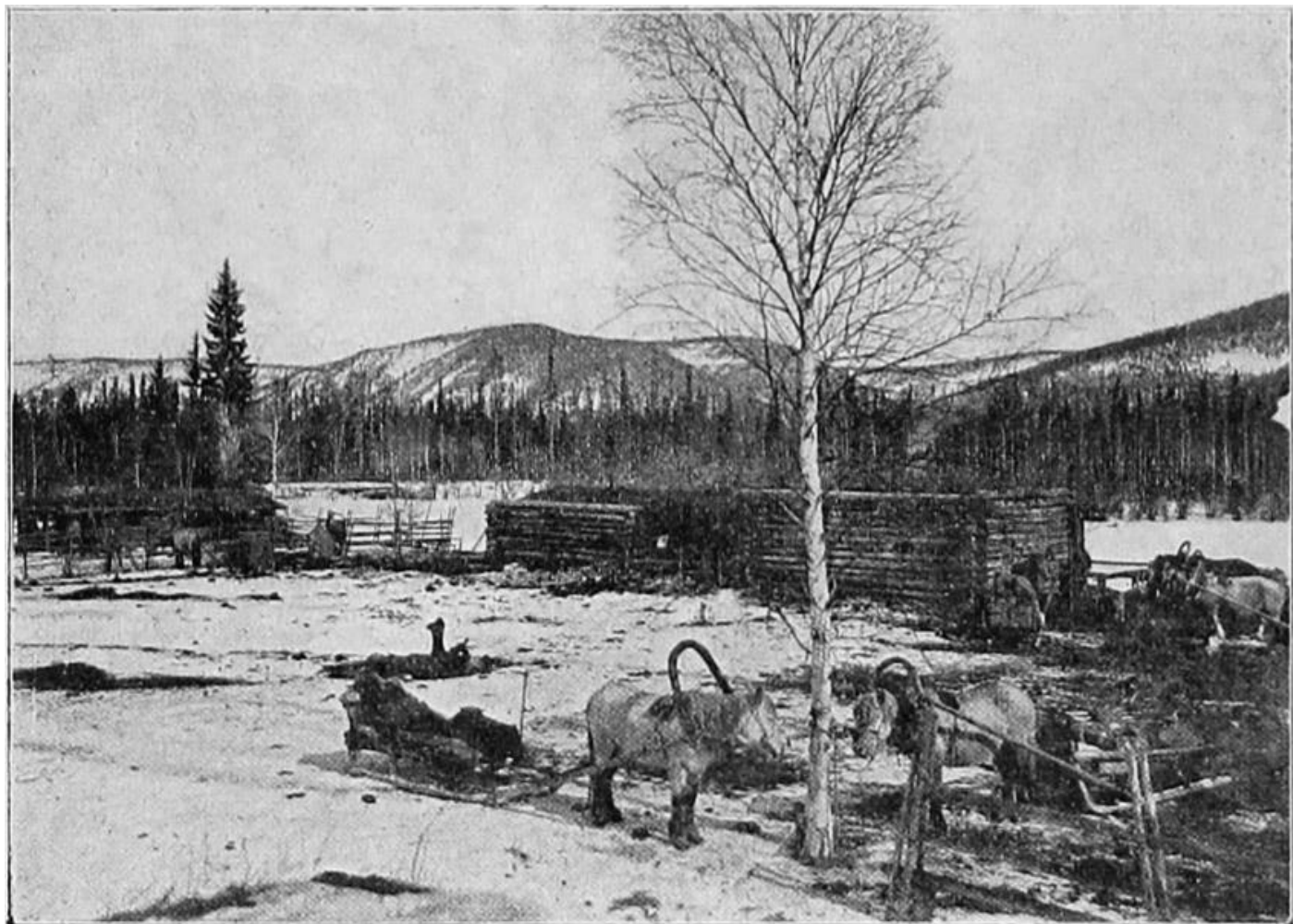

Рис. 4. Жилище оседлых тунгусов на реке Мае.

Во время большой воды, затопляющей юрту и весь двор, население выбирается на крышу этого навеса, загоняет туда скот и там дожидается спада воды.

Около навеса стоит «машина» для распилки дров. Это гигантское сооружение из толстых брёвен; тем не менее она может приводиться в действие силою одного человека.

22 Марта утром прибыл тунгус Лука Бубякин, который ещё в Усть-майском обещал сопровождать нас до своих жилищ. Он ведёт с собою двух сыновей — воспитанников устьмайской школы — на пасхальные каникулы. Перед выездом из Кыкынайдаха прибыли два «белковщика»:

один — тунгус, очень похожий на русского, другой — устьмайский мещанин с лицом типичного якута. Оба по-русски не говорят. Население юрты было измерено и снято. Для коллекции приобретены скребки (тунгусской работы) для снятия жира со шкур.

Верстах в 5 от Кыкынайдаха начинаются высокие голые скалы правого берега Май. Порода расцвечена тонкими прослойками и скалы имеют в разрезе, обращённом к реке, форму огромных, почти равносторонних треугольников. Между вершин этих треугольников большие распадки, покрытые редкою елью. С вершины скал сыплется вниз сухой снег и измельчённая в порошок порода, так что у основания видны большие кучи этой смеси.

Погода тёплая. Снег хотя и не тает, но дорога тяжёлая, нарты то и дело переваливаются с боку на бок.

За версту перед станком Чая, на противоположном от него берегу реки, выдаётся высокий, совершенно голый утёс. По словам жителей Чаи, из вершины этого утёса летом идёт «пар».

К вечеру мороз усилился. Взошла луна и осветила белую равнину реки Май. Вдали на островах чёрные еловые рощи и сероватые прибрежные тальники. Дорога так же плоха, как и раньше. Ночь провели у Луки Бубякина. Раньше он жил на реке Алдане, против Устьмайского, потом переселился на Юдому, где у него летник, зимой он живёт здесь на реке Арбанде.

Лука Фёдорович женат на устьмайской крестьянке. Состоит старостой тамошней церкви. Он довольно богатый тунгус, занимается хлебопашеством и промыслом зверя и рыбы. Изба его довольно просторная, внутри выбелена глиной, которую он берёт из горы Кумахи. Здесь и в Устьмайском глина эта известна под именем «опоки». Потолок и стены избы украшены розетками из перьев мелкой пташки. В окнах вставлены стёкла или осколки, вшитые в бересту. Под стенами широкие нары. В переднем углу много икон, крестов старинной работы; новейшие большие шейные кресты якутской работы на длинных цепях.

Бубякин говорит по-русски, но в обществе избегает употреблять этот язык и чаще обращается к помощи переводчика.

Принял нас Бубякин радушно. Угостил байховым чаем из стеклянной посуды, которой мы уже давно не видали.

К ночи приехал наш обоз, кстати привёз нам мяса, так как наше уже было на исходе. На ночь в избу набилось до 15 человек. Развешанная под

потолком для просушки одежда и обувь со всех сторон закрыла камелёк и в избе стало темно.

Рис. 5. Майские тунгусы.

Из Арбанды Л. Бубякин проводил нас до своего летника, на берегу реки Юдомы, в 5 верстах от впадения её в Маю. Здесь у него ещё лучшая изба в три комнаты. Деревянные полы; в окнах вставлены стёкла. Печь сложена самим хозяином, как и весь дом сложен его руками. В избе деревянная мебель: диваны, кресла, украшенные резьбой. Он плотник, маляр и кузнец. По стенам пёстрые олеографии, старинные лубочные картины. Потолок украшен перьями и чучелами мелких птиц.

Тут же в избе валяется огромный валун, на котором тунгусы разбивают кости для извлечения из них мозга, и большая каменная плита, на которой Бубякин растирает краски. Плита вынута им из скалы недалеко от усадьбы. Обе эти вещи он охотно уступил нам.

В лесу, вблизи усадьбы свалена масса брёвен, сложенных для постройки школы. Весеннею водою Бубякин хочет сплавить брёвна в Устьмайское¹.

От Л. Бубякина выехали вместе с обозом, так что по Мае вытянулся караван в 23 подводы. Всю дорогу шёл снег. После полуденного привала на крутом берегу Май, прибыли к вечеру на станок Джогус. Было уже темно. Столб ярких искр, вырывавшихся из трубы камелька, обозначал место юрты.

Утром открылся прекрасный вид с крутого берега Май: из-за леса, окружающего юрту, виднеются высокие холмы, покрытые лесом. На противоположном берегу Май такие же холмы, уходящие к горизонту. Мая в этом месте ещё довольно широка.

Верстах в 10 от Джогуса наткнулись на огромную полынью; местами широкие наледи, которые приходилось далеко объезжать. Полуденный привал сделали в брошенной юрте. Лёд, закрывавший отверстия окон, местами растаял, и в образовавшиеся дыры врывается ветер. На полу обглоданные кости и кучи щепы.

К вечеру прибыли на ночёвку в зимник тунгуса Николая Бубякина — Кумаха, по имени горы Кумахи, из которой берут глину «опоку». Гора находится в 5 верстах от усадьбы. Николай Бубякин — старший брат Луки, — высокого роста, широкоплечий тунгус, с большими чёрными глазами. По виду он скорее походит на южанина.

Живёт Н. Бубякин богато. Занимается хлебопашеством, скотоводством и промышляет. Многие из окрестных тунгусов у него в долгах, как и сам Бубякин в долгах у нельканских купцов.

Перед выездом из Кумахи, жена его показала нам инструмент, которым она мнёт кожи. Это лошадиный череп — нижняя его челюсть. На челюсть кладётся кожа и палкой, вдеваемой в угол между челюстных дуг, кожа придавливается к челюстям. На палке нарезаны зубцы, которые и прижимают кожу к оставшимся зубам челюсти.

Как и всегда, измеренным тунгусам предложили сняться, на что они охотно согласились, кроме одной старухи, которую пришлось долго уговаривать. Она, наконец, согласилась и, после долгих ожиданий, явилась к аппарату в чёрном длинном кафтане, обшитым по подолу и по бортам широкой в $\frac{1}{4}$ аршина полосой кумача (очевидно, её праздничный костюм).

¹ На обратном пути мы нашли школу уже сложенной в Устьмайском.

Из Кумахи Н. Бубякин вёз уже нам два воза сена.

Дорога идёт по льду р. Май. Каменные отвесные берега, покрыты сосновым лесом, по низинам еловые рощи, изредка тополи и берёзы. Верстах в 15 от Кумахи заблестели на солнце светло-жёлтые скалы левого берега р. Айма, впадающей в Маю. Недалеко от впадения Айма расположен старый аймский станок. Теперь здесь только развалившаяся юрта и остаток поскотины.

Дневную остановку сделали в урочище Серги (при впадении ручья того же имени в р. Маю), где в просторной юрте застали хозяйку-тунгуску с приёмышем. Обстановка юрты очень бедная. Всё хозяйство помещается на одной наре, тут же располагаются и хозяева. Лёд, закрывавший оконные отверстия, отвалился и в них врывается холодный ветер.

Хозяйка поднесла нам в подарок небольшого осетра, и когда мы хотели заплатить ей за рыбу, она обиделась и ответила, что рыбу, она подносит нам в подарок, а никак не с целью получить с нас деньги. Мы отдали ей чай и сахаром.

Около юрты в тайге, которая начинается тут же у юрты, развешаны по деревьям лоскутки материи, совиные крылья, оленьи копыта и др. — жертвы духу места, так распространённые среди якутов и тунгусов.

В полуверсте от Серги, как только выехали за закругление берега, открылся прекрасный вид на скалистый берег Май. Весь он как бы уставлен огромными каменными столбами светло-жёлтого цвета. Между столбами снежные сугробы. Миновав эти скалы, подъехали к правому берегу из отвесных скал, растрескавшихся и выветрившихся; местами огромные глыбы свалились к подножью скал. Длинная стена этого берега тянется на расстоянии $\frac{3}{4}$ версты с огромными расщелинами, в которых висят огромные глыбы камней, задержавшись там при падении сверху. Дальше за этими скалами группа холмов до самого горизонта, затянутого голубоватой дымкой.

Погода тихая, дорога твёрдая. По сторонам от дороги твёрдый «наст», так что снег разламывается на большие плиты.

К вечеру мороз усилился (-17°C). Барометр заметно падал. Для ночёвки выбрали крутой берег Май, где было побольше топлива, для чего свернули в сторону от дороги. После ужина улеглись спать. К утру пургой, поднявшейся в ночь, весь наш обоз засыпало снегом. Пробуждение было не особенно приятным: на подушки, одеяло, в одежду и обувь,

оставленные сверху в нарте, намело кучи сухого снега. Встали, одевались и пили чай при небольшой пурге и морозе. Перед выездом пурга утихла и небо прояснилось.

Дорога пошла под скалистым берегом, то удаляясь за острова, то снова подходя к самому берегу. Горами Тыллах кончается этот красивый берег, дорога сворачивает в сторону. Горы Тыллах одно из красивейших мест за всю дорогу по реке Мае. Начинаясь у самой воды, горы поднимаются высоко вверх. По гребню их идёт ряд зубцов, очень пёстро расцвеченных то лишаями, то лёгким налётом снега. Горы совершенно голые. На вершинах кое-где виднеются одинокие сосны.

На другой день на дневной привал к нам подъехал тунгус-«белковщик», возвращавшийся с промысла на Алдан. В нарту, нагруженную добычей, впряжены два оленя, оба они привязаны к переднему, третьему, верхом на котором едет хозяин. Позади нарты привязаны три оленя, навьюченные добычей. Между оленями привязана к нарте собака. Тунгус далеко остановил своих оленей, так как в здешних местах лошади пугаются оленей.

К ночи приехали к тунгусу Намынову, под этой фамилией он известен у ямщиков, хотя настоящая фамилия его Дьячковский. Первая удержалась за ним от имени станка, неподалёку от которого он живёт. Место его жилья называется «Аана-тердэ». Старик тунгус с длинной седой бородой очень похож на русского крестьянина. Изба его полна маленьких детей.

Живёт Дьячковский богато, хотя делает вид человека, ничего не имеющего. С трудом удалось добыть у него два воза сена по 2 р. за воз. Изба его освещается американской лампой. По стенам развешано много икон. Над камельком, на жердях, развешенных под потолком, расставлены большие железные противни, на которых просушивается зерно.

Ночью ударил мороз (-34° С).

В 30 верстах от Дьячковского живёт его сын Николай. 31 марта к вечеру мы были у него. На крутом берегу Маи, в тайге срублена небольшая юрта, грязная и очень тесная. От стен юрты до камелька не более двух аршин. Крыша юрты держится на стволах лиственниц, удачно выросших как раз по четырём углам юрты. На искривлённых корнях, стелющихся по полу, уложены широкие нары.

Место это называется Успун.

В версте от Успуна на высоком левом берегу Май виднеется тёмное отверстие входа в мрачное «жилище чёрта» — «Абагы́-дже».

Мы много слышали об этих таинственных пещерах и раньше, а потому, воспользовавшись остановкой, поспешили осмотреть их.

Запасшись фонарём, свечами, топором, кайлом, верёвкой, фотографическим аппаратом с приспособлением для вспышки магния, мы в 7 ч. вечера двинулись из Успуна на противоположный берег реки.

Уже совсем стемнело, когда мы, ныряя по пояс в глубоком снегу, добрались до огромной глыбы, стоящей внизу перед входом в пещеры. Отверстие входа находится в 3 сажнях выше льда р. Май. Вход, не шире 2 аршин, ведёт в большую пещеру с огромным сводом, украшенным гирляндой белоснежных кристаллов. В этом зале мы зажгли свечи, и весь потолок заблестел миллионами звёзд. Высота этого зала при входе сажени 3, при ширине в 8 аршин. Пол слегка покат назад. На полу возвышаются белые ледяные колонки, образовавшиеся из капель влаги, падавшей сверху. Справа от входа зияет огромная арка, украшенная, как и первый свод, белоснежными цветами.

Прямо перед входом темнеет ещё два зала, отделённых друг от друга небольшим выступом боковой стены и порожком, за которым пол второго зала значительно понижен.

Пол первого зала почти гладок, во втором же на полу большие каменные глыбы, покрытые ледяными плитами до $\frac{1}{2}$ вершка и более толщиной. Плиты местами растрескались и провалились. Под плитами, между камней большие пустоты. Высота этого зала до 5 сажней.

В задней стене его виднеются справа и слева небольшие тёмные отверстия. Левое сплошь залито, и потому пробраться в него невозможно; правое загорожено ледяными плитами, и вокруг него много ям, закрытых теми же ледяными плитами, стоять на которых, вследствие их наклонного положения, очень трудно. Несколько ниже правого отверстия, в полу второго зала, у его правой стены третье отверстие, настолько большое, что в него мы спустились без труда. Здесь небольшая зальца со сводчатым потолком. Светло-жёлтые стены зальцы уходят далеко вниз под ледяной пол. Пол гладок и блестящ. Из зальцы небольшой коридор, поворачивая влево, идёт в новую зальцу таких же размеров. Из этой зальцы коридор вновь поворачивает влево, и через двадцать шагов упирается в стену. В конце коридора небольшая зальца, слегка круглой формы. Размеры каждого из зальцев 4-5 аршин.

Рис. 6. Пещера «Абагы-Дже» (Чёртово жилище); первый зал.

Вернувшись назад, поднимаемся снова вверх, во второй зал, и подходим к тёмной зияющей арке, которую мы оставили справа от входа в пещеры.

Это огромная пещера, равная по величине первым двум залам. Её диаметр до 35 аршин. Пол её покат к середине, и от середины к задней стене вновь поднимается почти к самому потолку. Не доходя до потолка, обрывается у задней стены в глубокую пропасть. Пол пещеры завален огромными каменными глыбами до 2-3 куб. саженой величиной. Справа и слева от входа в пещеру глубокие ямы. Левая покрыта на дне льдом и камнями, правая входит в коридорчик, который, обходя пещеру по правой её стене вверх, открывается у самого потолка пещеры. В этом коридорчике есть небольшая пещера с ледяным полом.

В потолке большой пещеры, ближе к её задней стене, есть небольшое отверстие, через которое днём проходит сноп белесоватого света. Отдушина эта закрыта снегом.

На глыбах камней, которыми завален пол пещеры, стоят ледяные колонки, покрытые снизу доверху цветами из кристаллов.

Ставши лицом ко входу в эту пещеру, можно видеть справа идущий вниз проход в небольшие зальца, в которых мы уже были, спустившись вниз со второго зала. Над спуском видно небольшое отверстие, настолько узкое, что пролезть человеку невозможно. Ниже этого отверстия, почти на середине спуска вниз, стоит огромная глыба камня, разделяющая этот спуск в начале на два рукава. На середине длины этого спуска, вправо, другое отверстие, по которому можно пролезть только на четвереньках. Эта узкая нора ведёт на небольшую площадку, обрывающуюся над небольшим озером, покрытым льдом.

Над озером арка, подходящая к площадке. В полу площадки, среди растрескавшихся камней, небольшая нора, куда с трудом можно протиснуться одному человеку, и то спустившись ногами вниз. Нора приводит на лёд озера. Лёд до 3 аршин толщины; очевидно, озеро вымерзло до дна. Идя по льду озера, приходим в довольно широкий коридор с ледяным полом.

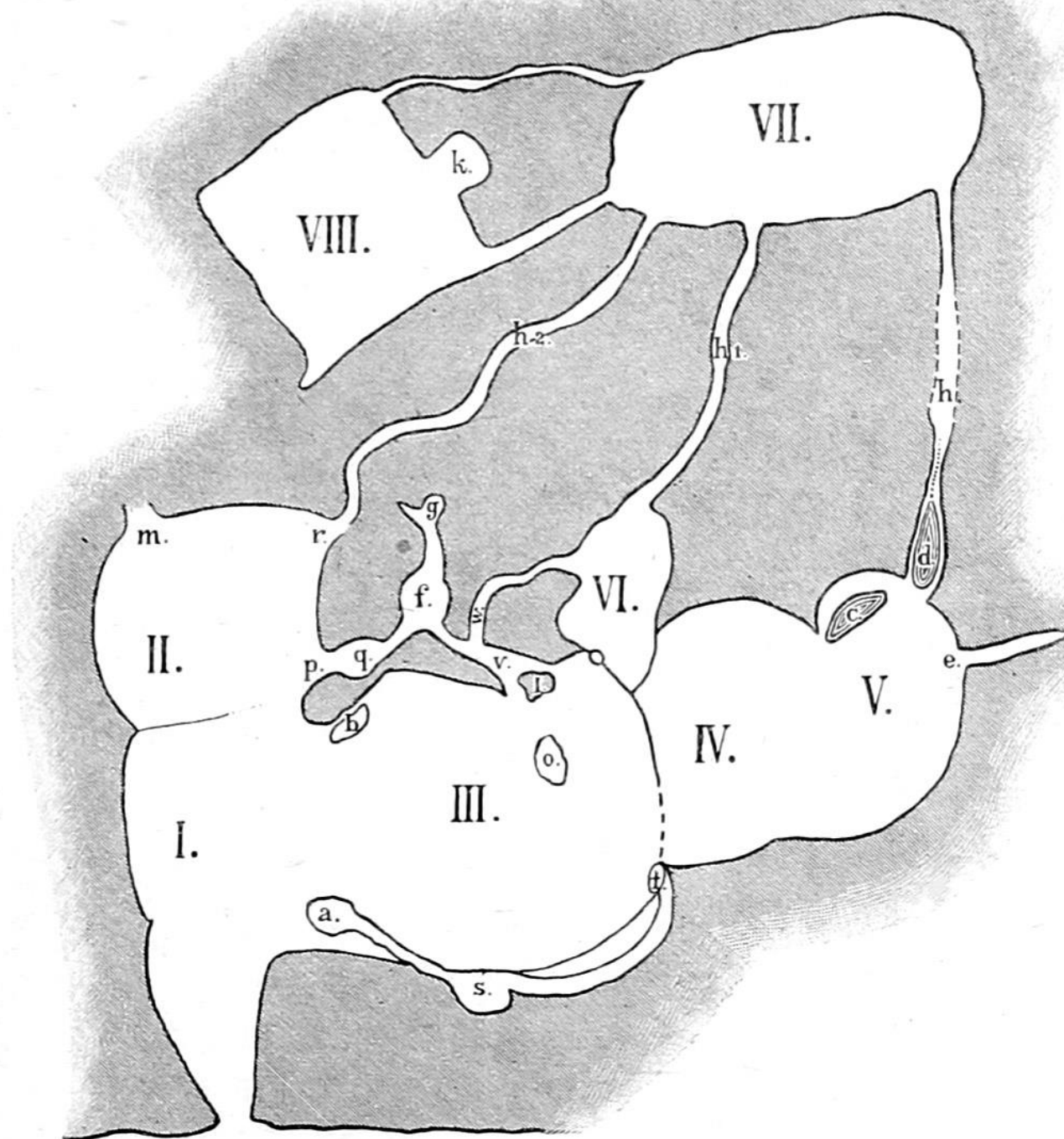
Длинный коридор приводит нас в дальнюю пещеру огромную и мрачную настолько, что наших семи свеч не хватает осветить её темноту. На полу огромные камни в кубическую сажень величиною. Через камни перекинуты, в виде мостков, толстые ледяные плиты. Стены и потолок этого зала украшены блестящими цветами и гирляндами из кристаллов.

Из этого зала один коридор приводит через 120 шагов к воде, покрытой тонкой плёнкой льда, который ломается под ногами. Другой коридор из этой же пещеры приводит в новый зал великолепнее и больше первого.

Высокий потолок светло-жёлтого цвета опирается на такие же стены. Гладкий ледяной пол уставлен ледяными колоннами до 2 аршина вышиной, при толщине в 2 вершка. С потолка на эти колонны падают капли воды. Высота зала до 15 сажений, длина около 20 аршин, при ширине в 39 аршин. Дна этого зала не видно. Справа от входа небольшая светлая пещерка, около 4-5 аршин.

По середине зала, ближе к задней стене находится огромная глыба в 2 куб. сажени величиною. Позади этой глыбы навалена куча камней. Среди этих камней проход в тёмную пещеру, в которой мы только что побывали. Войдя в неё опять, мы находим ещё один коридор, который, сильно извиваясь, приводит нас к отверстию в потолке. Это отверстие

оказалось тем самым, к которому мы тщетно пытались подойти из второго зала верхнего этажа. Поднявшись вверх по куче камней, мы очутились во втором зале, так сказать, верхнего этажа, откуда впервые начали осмотр пещер.

р. Мая.

Рис. 7. Схематический план пещер Абагы-дже (Чёртова жилища).
 I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. — большие залы.
 g. f. g. — малые залы.

h. h1. h2 — коридоры (h — предполагаемый).
m. — отверстие, залитое льдом.
г. — ход в дальние залы.
р — спуск в малые залы.
а — яма и ход вокруг III зала.
t — отверстие хода над III залом.
s — пещерка.
о — отдушина.
к — малый зал.
l — глыба в спуске вниз из III зала.
v — спуск из III зала.
w — длинная нора в VII зале.
с — замёрзшее озеро в V зале.
е — ход к колодцу.
d — незамёрзшее озеро.
Ь — левая яма.

Из второго зала прошли вновь в большую пещеру с отдушиной, где уже были. У её задней стены спускаемся в пропасть. Здесь находим новую пещеру, потолок которой продолжается в предыдущую пещеру. Пол завален огромными глыбами, потолок сильно растрескался, обозначая места, из которых в недалёком будущем упадут новые глыбы. Под левой стеной пещеры небольшое замёрзшее озеро. На льду озера ледяные колонки. Сквозь прозрачный лёд видно дно. Лёд не толще полутора аршина и вода, очевидно, вымерзла до самого дна.

В правой стене узкая щель, ведущая в коридорчик. Шагах в 17 от начала щели — небольшой колодец незамёрзшей воды. Между замёрзшим озером и щелью к колодцу темнеет большая арка над озером незамёрзшей воды. Арка суживается кверху. Ширина озера не более 3 аршин. Высота арки более 3 сажений. Глубина озера в сажени от берега более 3 аршин.

Длину озера определить невозможно. Оно, очевидно, проходит далеко вглубь, но своды арки над ним, аршинах в 10 от берега, суживаются, и стены своими выступами близко подходят друг к другу. Пущенный на воду поплавок со свечей вскоре скрылся за одним из выступов скалы. Есть основание думать, что озеро это соединяется с коридором

из дальней пещеры, тем самым коридором, который привёл нас к воде, покрытой тонким льдом.

Если бы мы располагали небольшой тунгусской берестянкой, то можно было бы проникнуть дальше по этому озеру и более подробно осмотреть его.

Термометр, опущенный в воду, показал оба раза +1,7°C. Признаков живых существ как в озере, так и во всех пещерах не обнаружено. Может быть, при более тщательном осмотре там и оказалось бы что-либо, но мы не располагали достаточным для этого временем.

Пещеры, по-видимому, произошли путём размыва и выщелачивания более мягких пород водою р. Май в давнишние времена. В настоящее время самая высокая вода её не доходит до пещер. Процесс выщелачивания пещер происходит, без сомнения, и теперь наличием воды, имеющейся в пещерах, и тою небольшою её долею, которая просачивается снаружи при таянии снегов. Процесс же разрушения, следствием которого является загромождение дна пещер глыбами камня, совершается в больших размерах при помощи таких факторов, как весенняя влага и страшные морозы зимою.

Первым посетителем «Чёртова жилища» был священник о. Василий Мальцев, он же и нарисовал план пещер. После него два раза побывала там экспедиция 1894 года (см. «От Якутска до Аяна», Я.В. Стефановича), сделавшая первое описание этих пещер.

О. Мальцеву удалось, благодаря зимнему времени, когда вода в пещерах вымерзает, пробраться в дальние пещеры. К сожалению, им не сделано описания их. Экспедиция 1894 года в первое своё посещение (14 июля) нашла в пещерах лёд, и сильное нагромождение его не дало возможности посетить отдалённые пещеры. При втором посещении (25 сентября) пещеры настолько оттаяли, что передвижение по ослизлым камням и вязкой глине представляло большие трудности, всё-таки экспедиции удалось осмотреть ближние пещеры и составить их подробное описание.

Судя по описаниям и планам наших предшественников, нам (экспедиция 1903 г.) удалось попасть в пещеры в самое благоприятное для осмотра время (31 марта — 1 апреля).

За исключением одного коридора, соединяющегося с незамёрзшим озером¹, мы могли обойти все пещеры, намеченные нашими предшественниками, и побывать в новых.

Всё, что известно о сменах времён года в этих пещерах, можно представить в следующем виде: в конце марта (эксп. 1893 г.) все, кроме одного озера, покрыто льдом; в июле (эксп. 1894 г.) в первых залах был лёд и снег (о дальних залах сведений нет); в сентябре (эксп. того же года) те же залы оттаяли. В декабре (по о. Мальцеву) в пещерах был лёд.

Часов в 12 ночи 31 марта мы оставили пещеры «Абагы-дже» и вернулись на Успун. 1 апреля мы заехали вновь в пещеры, где пробыли несколько часов. Затем, распроставшись с таинственным жилищем мрачного «Абагы», мы тронулись в путь по р. Мае.

Левый берег её состоит из тех же скал, в которых образовались и пещеры и, вероятнее всего, что «Абагы-дже» не единственные пещеры на этом берегу. Скалы тянутся на расстояние 3-4 вёрст от «Абагы-дже», подходя более или менее близко к воде. Стороны их, обращённые к воде, покрыты разноцветными лишаями, налётами. Местами порода сильно выветрилась.

В полдень поднялась пурга, вскоре прекратившаяся. На ночёвку остановились у огромной кучи плавника. Рыхлый снег настолько глубок, что лошади вошли в него по брюхо.

2 апреля к вечеру прибыли на Маймакан. Место усадьбы называется Хахар, Маймакан же, старый станок, находится на противоположном левом берегу Маи.

Хахар — усадьба Соловьёва — расположена на высоком берегу и скорее походит на небольшой посёлок, в сравнении с одинокими юртами, встречавшимися раньше на пути. Здесь около 7 строений. Живёт много тунгусов, работников Соловьёва. В 100 саженьях от его усадьбы возвышается голец, покрытый лесом, сквозь который просвечивает сильно выветрившаяся порода гольца. Профиль его, обращённый к усадьбе, имеет вид треугольника. Дальше по берегу за гольцом тянется его длинный хребет. У подножья гольца небольшая речка Хахар, впадающая в Маю.

¹ Уровень этого озера с 1894 г. настолько понизился, что обнаружил дно пещеры. О том, что здесь было озеро, свидетельствует небольшой его остаток, покрытый теперь льдом. С 1894 г. озеро, по-видимому, не поднималось выше теперешнего уровня.

Соловьёв — зажиточный купец, известный во всей округе за хорошего знатока Майского фарватера, и пароходы, идущие из Нелькана, берут его в качестве лоцмана. Торгует он, главным образом, пушниной, которую ему доставляют окрестные тунгусы, связанные с ним долговыми обязательствами.

В наш приезд хозяина не было дома, и нас любезно приняли его супруга и дочь. Осматривая двор усадьбы, мы нашли на одном амбарчике половину туши сохатого, возле неё шесть волчьих туш, шкуры с которых не сняты. Все эти туши сильно разложились и, несмотря на мороз, от них идёт сильное зловоние. На вопрос, почему всё-таки ценные шкуры пропадают даром, нам ответили, что до сих пор их некому было снять¹. Что же касается туши сохатого, то нам сказали, что её скормят в своё время рабочим.

3 апреля выехали из Хахара. Утром поднялась пурга (ночной минимум -15°C .). Проехали устье р. Маймакана, впадающего в Маю слева. Берег Маи, недалеко от Маймакана, — одно из живописнейших мест по всей реке, после гор Тыллах. Высота его доходит до 100-150 саженьей. Вершина покрыта каменными столбами. Местами попадает сосновый лес. Иногда к воде подходят поперечные хребты, между которыми большие котловины, уходящие далеко в материк. Кажется, что река размыла кольцо гор и половину его унесла, оставив другую на берегу.

Верстах в 20 от Хахара встретили большую наледь, которая, хотя и покрыта льдом, но лёд настолько гладок, что наши некованные лошади не могут по нему идти.

Свернули в тайгу, где оказалась просека, прорубленная рабочими Соловьёвой, которая дня два назад проехала здесь, возвращаясь из Нелькана. Просека настолько узка и извилиста, что лошади то и дело задевают оглоблями за деревья. Толстые брёвна лежат поперёк дороги, и густою стеною стоит кустарник. Приходилось перебираться через эти препятствия, так как свернуть некуда — справа и слева густая тайга. Дневной привал сделали в поварне, построенной Соловьёвым в тайге.

¹ В здешних местах у тунгусов существует поверье, от которого не могли отделаться и русские. Поверье велит снимать шкуру с волка старухе; чем старее, тем лучше. Операцию производят в укромном месте леса и труп волка прячется так, чтобы человеческая нога не могла наступить на него.

К вечеру прибыли на Ватангу, опрокинувшись предварительно раза три в глубокие сугробы снега. Живёт здесь тунгус Иван Антонов, известный больше под именем «Иванчика». Место его жилья называется «Ватанг-сюрягынь-алаага́» — «сердце ватангских покосов», так как по рекам Ватанге и Игнякяню здесь лучшие покосы — главное занятие Иванчика. Кроме сенокосов, он занимается рыбной ловлей. Всякий проезжий, имеющий нужду в его крове, оставляет обоз на реке Мае и налегке отправляется переночевать или обогреться в его уютной избушке среди редкого лиственничного леса.

Утром 4 апреля (ночной minimum $-28,5^{\circ}\text{C}$.) выехали из Ватанги. Часа через два из-за деревьев блеснул крест нельканской церкви, а ещё через час, перебравшись кое-как через скользкую наледь реки Чуи, притока Маи, мы поднимались уже по улице Нелькана.

Кое-как разместились в домах, любезно предоставленных в наше распоряжение доверенными якутских фирм и нельканскими купцами: П.Д. Филипповым, С.Н. Харитоновым и др. Священник о. Мальцев предложил имеющиеся у него свободные комнаты.

Селение Нелькан состоит всего из 12-15 домов, расположенных на покатом к реке берегу Маи. Ближе к реке находятся чайные пакгаузы и склады казённых продуктов: муки, соли и др. Выше по склону горы вытянулась параллельно реке единственная улица, с небольшими рублеными домиками; ещё выше, за линией домов, небольшая церковь, ещё не вполне отстроенная. Возле церкви большой, отстроенный в этом году дом для церковно-приходской школы, помещающейся до сего времени в доме священника о. В. Мальцева.

От нельканского берега река Мая сворачивает влево, образуя под берегом небольшой залив, где пристают пароходы.

Вся жизнь Нелькана связана с чайной торговлей. Нелькан — складочный и передаточный пункт чаёв, идущих из Аяна на Якутск.

Население Нелькана состоит из 3-4 купеческих семей, занимающихся, по доверию от якутских купцов, приёмкой и отправкой чаёв и торговлей; священника, псаломщика, урядника и вахтёра казённого склада — оба последние — казаки Якутского полка; нескольких тунгусских семейств — рабочих при нагрузке и перевозке чаёв.

Зимой на Страстной неделе бывает ярмарка и тунгусское собрание, на которые съезжаются до 100 тунгусов. К началу лета в Нелькане остаётся 3-4 семейства, остальные все разъезжаются в Якутск с пароходом,

увозящим чай, или на «паузках», сплавляемых с чаями в большую воду по Мае к устью р. Алдана. Чай здесь перегружают на пароход, «паузки» же бросают на волю Божию вниз по реке Лене. Батюшка уезжает в приход, который в одну сторону тянется на 200, в другую — на 500 вёрст.

III.

От Нелькана до Олгондо́.

Из Нелькана предполагалось пройти съёмкой «Казённую тропу» до Сагыннаха — места перегрузки чаёв с оленей на лошадей. Отсюда, оставив «Казённую тропу», избрать новое направление, минуя «Казённый» перевал.

В усадьбе В. Карамзина Олгондо́ предполагалось сделать остановку для осмотра перевалов Станового хребта, дожидаться спада весенних вод и идти с работами по намеченному новому пути и новому перевалу до Аяна. Из Аяна пройти съёмкой «Казённую тропу» до Сагыннаха.

В день приезда в Нелькан и на другой день были наняты рабочие (по 18 руб. в месяц на экспедиционном довольствии). Через инородческого старосту был вызван тунгус В. Карамзин, который, по предложению г. якутского губернатора, должен был сопровождать экспедицию. Карамзин вскоре явился с оленями, на которых и была отправлена часть экспедиционного груза в Олгондо.

Так как в тайге ещё лежал толстый слой снега, то лошадей решено было оставить в Нелькане с тем, чтобы они с первой травой прибыли в Олгондо. Карамзин уехал в Олгондо, оставив нам своих оленей и ямщиков. На этих оленях предполагалось передвигать багаж и провиант, необходимые для экспедиции на каждый день.

9 апреля были выверены инструменты. 10-го утром, установив репер №1 на берегу Маи около пакгаузов А.И. Громовой, начали работы. 11 и 12 с работ возвращались на ночёвку в Нелькан. 13 к вечеру выехали окончательно из Нелькана на 14 версту, где и разбили палатки. С этого времени началась жизнь в тайге. С утра выходили на работы (угломер, два нивелира, мерная цепь), к вечеру все возвращались в лагерь на ночёвку. На другой день лагерь передвигался вперёд на предполагаемое место окончания дневных работ или же оставался на том же месте ещё на день. Постели, палатки, кухонные принадлежности и продукты, не-

обходимые на ближайшие дни, передвигались вслед за работами, а запасы, в которых в скором времени нужды не предвиделось, передвигались вперёд вёрст на 15-20 и складывались в тайге до прихода экспедиции с работами к этому месту.

В тайге кругом ещё лежал глубокий снег. Днём солнце пригревало, ночью температура опускалась до $-10...-15^{\circ}$ С. Несколько дней падал снег. С 15 апреля стало заметно таять. Чем дальше, тем дорогу распускало всё более и более. Снег стал проваливаться под ногами. Под снегом появилась вода. Хождение по мокрому снегу и установка инструментов становились всё более и более затруднительными. Оленей оказалось слишком мало, и работающим с инструментами приходилось тратить много времени и сил на возвращение в лагерь по окончании работ. По утрам вновь приходилось возвращаться на место оставленной с вечера работы.

Всё пространство от Нелькана до Сагыннаха сплошь покрыто горами и высокими холмами — предгорья Станового хребта. От Нелькана до Сагыннаха около 15 перевалов, некоторые из них довольно высоки. С гор спадает много речек и ручьёв, образующих зимою огромные наледи. Летом широкие тундренные берега затрудняют или совершенно прекращают сообщение между этими пунктами. С вершин высоких холмов каждый раз открывается панорама гор, покрытых снегом и затянутых светло-синей дымкой. Вдали едва-едва вырисовываются гольцы Станового хребта, и по всем направлениям местность покрыта горами.

Пригревающее солнце заставляло торопиться с работами, так как горные речки грозили вскоре вскрыться и отрезать нас от Нелькана и Олгондо. Где-то в тайге лежал груз, который надо было своевременно подать вперёд, а оленей едва хватало на перевозку лагеря. То и дело они разъезжали по тайге взад-вперёд, то перевозя лагерь, то подбирая брошенный позади груз, едва успевая отдохнуть и пощипать мху.

18 апреля, сделав наскоро небольшие нарты, А.А. Ховрин (угломер) с рабочими отделился от остальных и ушёл вперёд, дабы не быть в зависимости от медленно передвигающегося лагеря. Таща нарты за плечами на лямках, они шли с работами. На месте окончания работ разбивали палатку и утром вновь двигались в путь, имея с собою свой багаж.

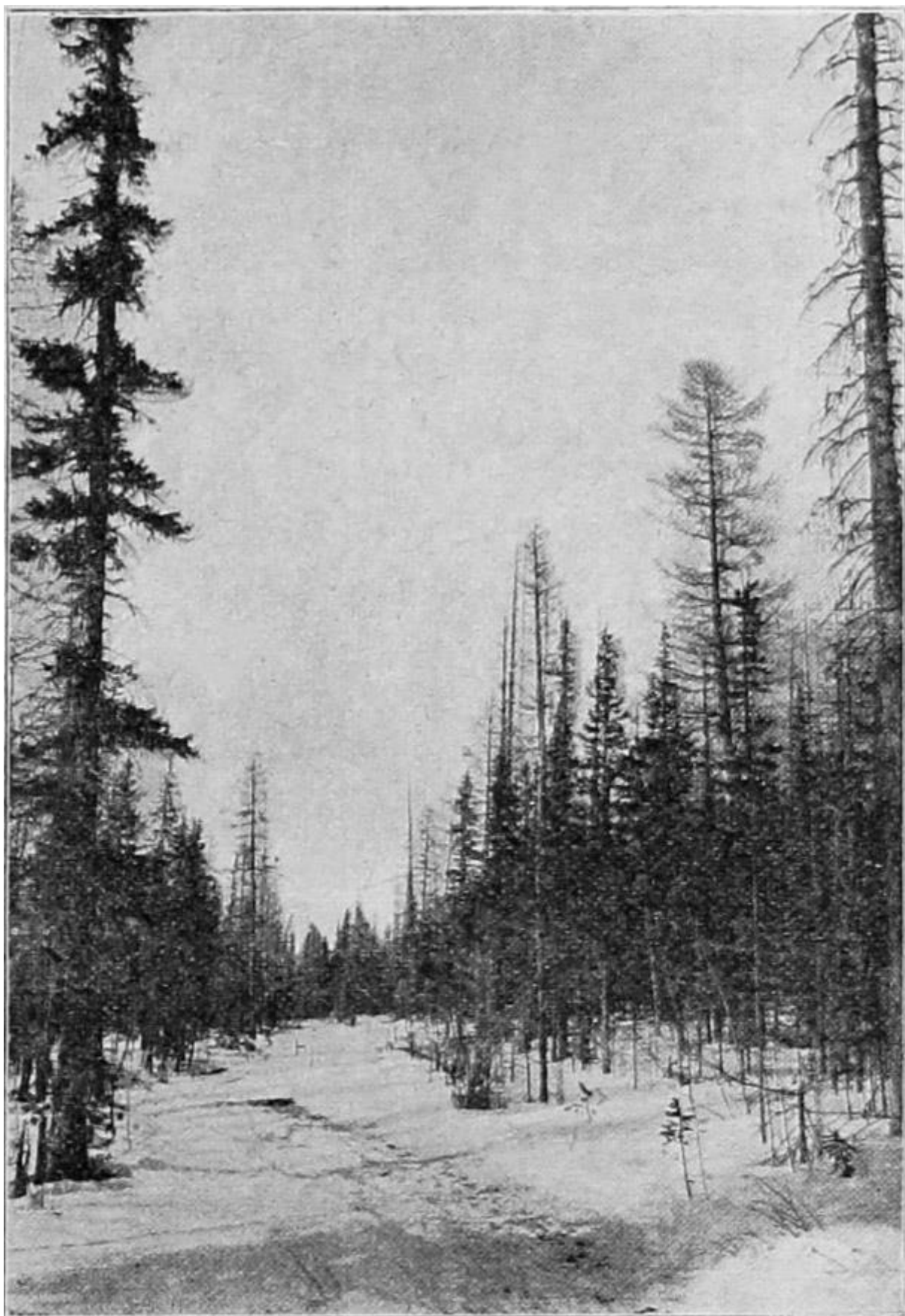

Рис. 8. Тайга между Нельканом и Челасином по «Казённой тропе».

Остальная партия двигалась прежним порядком. Снег заметно таял, на льду речек появилась верховая вода. Весна заметно наступала. 20 апреля пронеслись гуси, ещё раньше на снегу появился «червяк»¹, который, по мнению тунгусов и якутов, «съест снег». Действительно снег стал быстро сходить. «Червяк» появился в таком количестве, что местами снег казался черным.

Через р. Аимчан пришлось перебираться по лесине, сваленной на воду. Несколько выше переправы, со страшным шумом взламывая лёд и путаясь в прибрежных корягах, устремлялся приток Аимчана, покрывая его лёд мутной водой.

21 апреля встретился тунгус, посланный Карамзиным из Олгондо на нескольких нартах. Он сообщил нам, что надо торопиться, так как р. Челасин, отделяющая нас от Олгондо, может не пропустить нас.

22-го к полудню дошли до Сагыннаха, где у 87 репера закончили работы. С этого места «Казённая тропа» сворачивает несколько вправо в направлении к «Казённому перевалу».

На карамзинских оленях мы поспешили в Олгондо. Челасин переезжали по воде, идущей поверх льда глубиной до $\frac{3}{4}$ аршина, так что заливало в нарты. Приходилось объезжать большие полыньи, из которых разливалась тёмно-зелёная вода. К вечеру прибыли в Олгондо, где нас встретил Карамзин и А.А. Ховрин, прибывший за сутки перед нами.

Пройденный путь Нелькан — Сагыннах² — старая «Казённая тропа», по которой и теперь совершается перевозка чаёв зимним путём. Из Аяна чай на оленях доставляются сюда, где их перегружают на лошадей для доставки в Нелькан.

Около Сагыннаха есть большие навесы, крытые корьём. Здесь складываются чай до прихода лошадей. По всей дороге встречаются остовы «урас» — конусообразно уставленные жерди, и остатки обгоревших поленьев — место очага. В этих «урасах», покрываемых тряпьем или шкурами, возчики отогреваются в зимние стужи. Дорога довольно тяжёлая,

¹ Червяком тунгусы и якуты называют многих насекомых. «Червяк», который «ест снег», — маленький прыгающий жучок по-якутски хар-иён — яд снега. По мнению тунгусов и якутов, он падает с неба и по их наблюдениям, подтвердившимся и на этот раз, после появления его зима уже не возвращается. Морозов, способных задержать весну, уже не бывает.

² «Сагыннах» (якутск.) дословно — место, покрытое вывороченными пнями. Возчики чаёв считают здесь половину пути между Аяном и Нельканом. На самом деле здесь несколько больше (на 10-13 вёрст).

вследствие частых подъёмов и спусков. В обход гор существует несколько дорог, но они нуждаются в большом ремонте.

Рис. 9. Водораздел рек Челасина и Игникяня.

Олгондо — усадьба тунгуса Василия Карамзина — расположена на небольшой поляне, расчищенной из-под леса. Здесь стоит небольшая избушка в одну комнату, одна юрта и два амбара, в стороне недостроенная изба. Все эти постройки Карамзин предложил в распоряжение экспедиции. В Олгондо решено было разделиться на две партии. Первая (В.С. Панкратов и П.Ф. Теплов) на оленях должна было пробраться зимним путём в Аян, откуда в начале лета, как только установится дорога, выступить со съёмкой по «Казённой тропе» и «Казённому» перевалу до Сагыннаха. Вторая партия, дождавшись в Олгондо спада весенних вод, идти от Сагыннаха на Аян по новому направлению, через новый перевал.

24 апреля первая партия выехала из Олгондо и успела пробраться в Аян. Одновременно с ней выехали В.Е. Попов, А.А. Ховрин и Карамзин,

чтобы осмотреть некоторые перевалы и вернуться на другой день в Олгондо.

Расположившись в любезно предоставленных нам Карамзиным помещениях, мы прожили в Олгондо до 28 мая в ожидании, пока установится летний путь. Наскоро была устроена на старой юрте метеорологическая будка, где были уставлены инструменты.

Усадьба В. Карамзина с трёх сторон омывается водою речек Олгондо́ и Мохоту́, впадающих в реку Челасин. По целым дням слышится оглушительный шум воды, устремляющейся по каменному руслу. По временам слышится стук камней, перекатываемых по речному дну. Вокруг усадьбы лиственничный лес с примесью сосны и ели. Огромные кусты кедрового стланца, раскидавшего во все стороны толстые стволы. За лесом синеют горы, образующие два почти замкнутых параллельных кольца вокруг Олгондо́.

Первое, ближнее кольцо более низких гор сплошь покрыто лесом, второе, дальнее, представляет цепь горных хребтов с острыми вершинами, лишёнными леса или покрытыми кедровым стланцем. На восток от Олгондо́ высится группа гор Тяпкя (тунг.) с пятью конусообразными вершинами; к югу хребет с 7 вершинами — Иканджа (тунг.); между ними — Олгондокон, из которых берёт начало р. Олгондо́; несколько далее за Олгондоконом горы Мохоту́, с которых спадает река того же имени. Горы с северо-запада не видны за высоким лесом, близко подходящим к усадьбе.

В версте от усадьбы озеро и огромное тундренное болото, где садятся в большом количестве утки, кулики. По лесу около усадьбы много рябчиков, тетеревов, белок, бурундуков. Изредка заходит медведь, ещё реже сохатый. Почва в лесу покрыта толстым слоем мха до $\frac{3}{4}$ -1 аршина толщиной. Между деревьями леса густой кустарник ельника и можжевельника, последний чаще стелется по земле.

Сажень в 20 к северу от усадьбы на берегу р. Олгондо́ на четырёх высоких столбах устроен небольшой амбарчик, куда Карамзин складывает меховые вещи и всё ценное из имущества в предупреждение от мышей и медведей; последние имеют обыкновение в отсутствие хозяев забираться в юрты. Кроме вещей Карамзина, здесь хранится и имущество окрестных тунгусов.

Рис. 10. Речка Олгондо в тайге около урочища «Челасин».

В 100 саженьях к югу от дома Карамзина на высоком берегу той же речки находится православное кладбище (все тунгусы крещены), на котором около 20 могил — всё это родня или знакомые Карамзина, есть и посторонние, случайно умершие вблизи карамзинской усадьбы. Над каждой могилой, по здешнему обычаю, высокий деревянный сруб, увенчанный крестом. Ближе к воде, в тени высоких елей, на помосте, укрепленном на четырёх столбах в сажень высоты над землёю, сложено имущество недавно умершего тунгуса: две берестяные вьючные оленье сумы, обтянутые ровдугой и раскрашенные по бортам; оленье верховое седло и вьючное седло, расшитые кумачом и бисером; узел, завёрнутый в оленью шкуру, из которой виднеются ровдужные штаны, ситцевая рубаха и другие принадлежности костюма умершего. Рядом лежит огромный убитый олень в красиво расшитой сукном и кумачом ремённой уздечке — это любимый олень покойника. Всё это закрыто еловыми ветвями. Внизу около помоста примкнуто бревно с нарезанными на нём ступеньками — лестница на помост.

Тунгус умер от оспы, унёсшей в один год до 20 человек. Тело его похоронено на общем кладбище.

На наши расспросы о находке Карамзин отвечал уклончиво, и даже скептически отнёсся к обычаю своих сородичей, но другие тунгусы были откровеннее; они сообщили нам, что это действительно тунгусский обычай погребения. Ещё прежде, например, у Сагыннаха мы находили около могилы умершего там тунгуса большой узел, подвешенный на лесине. В узле тоже обувь и одежда покойника. Тунгусы и якуты считают за грех взять хоть одну из этих вещей, безразлично новые ли они, или старые. И висит этот узел в лесу, пока не сгниёт его содержимое, или не растреплет его медведь, а весенняя вода не смывает его в реку, которая занесёт их далеко от места погребения.

Неподалёку от берега р. Олгондó заметны глубокие ямы — шурфы, сделанные в старые времена какими-то золотоискателями.

В наш приезд в Олгондó Карамзин ел и пил с нами. Это ещё не старый (лет 45-48) тунгус среднего роста, коренастый мужчина с тёмно-русыми волосами, постриженными «бобриком», и каштанового цвета бородкой. Широкое, скуластое лицо, с серыми глазами под сильно припухшими веками. Он прекрасно говорит по-тунгусски, по-якутски и довольно хорошо для инородца по-русски. Разговорным языком служил якутский и очень часто, начав рассказ по-русски, он переходил на якутскую речь.

Говорит он быстро, с увлечением. Голос его с низких нот повышается почти до писка, особенно в тех местах, где надо обозначить очень высокую гору или длинную реку. Свои рассказы он дополняет богатой мимикой, что значительно облегчает понимание его рассказов не знающим якутского языка. Одевается он в русское платье, на ногах постоянно носит сары¹, в которых, впрочем, только и возможно ходить в здешних местах.

Карамзин долгое время был тунгусским старостой — князем², как их здесь называют. В последнее время он отказался от этой должности, которая отнимала у него много времени и денег, так как ему часто приходилось расплачиваться перед казной за своих несостоятельных сородичей. Он считается богатейшим среди тунгусов в районе между Нельканом и Аяном, хотя дела его за последнее время сильно пошатнулись вследствие неудачной торговли, и он много задолжал нельканским и аянским купцам. В настоящее время у него более 150 голов оленей, он один из крупных подрядчиков по перевозке чаёв из Аяна в Нелькан. У него две усадьбы; одна здесь, на Олгондó, другая в 8 верстах от Аяна, на устье реки Сибокчана, впадающего в реку Уй, в 2 верстах от Охотского моря. Здесь живёт его супруга — русская крестьянка.

Время староства Карамзина было лучшим временем для тунгусов, и особенно бедняков. Энергичный, умный и распорядительный староста везде поспевал вовремя. Заботился о том, чтобы богатые родовичи и способные к труду уделяли часть своих достатков бедным и калекам. Между Нельканом и Аяном он настроил поварен, которые каждую зиму снабжает дровами. Вывозит безвозмездно на дорогу сено для кормёжки лошадей (между Нельканом и Сагыннахом) и мн. др.

За всё время совместного пребывания в Олгондó никто не видел его сидящим без дела. Он кузнец, плотник и промышленник. По целым дням он возится в кузнице или орудует топором, в свободное от занятий по хозяйству время он отправляется посмотреть своих оленей.

¹ Кожаный чулок, подвязываемый у подъёма ремешком. Хорошо сшитые сары не пропускают воды.

² Инородческий староста «князь» имеет расшитый пояс и кортик — признаки княжеского достоинства.

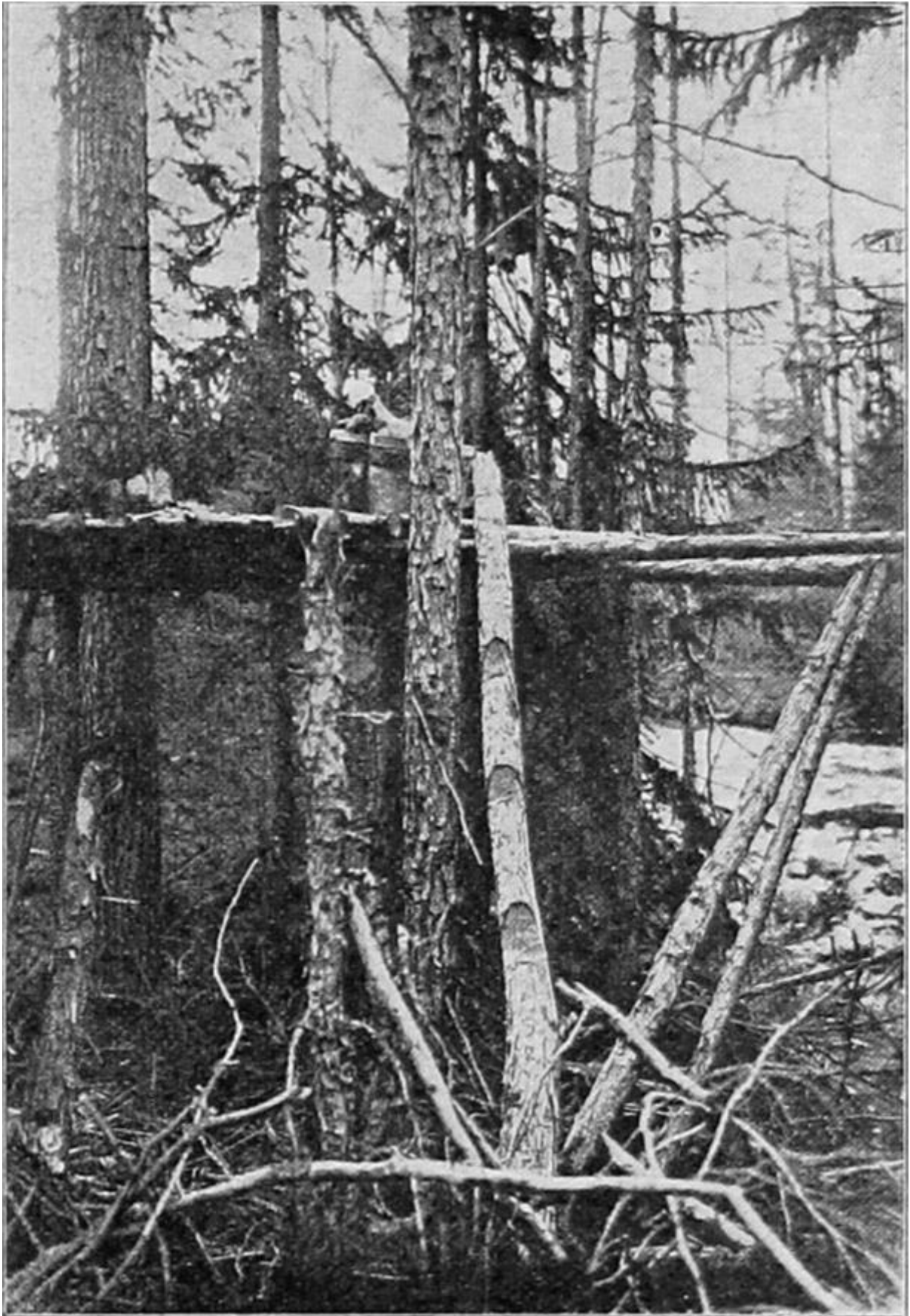

Рис. 11. Жертва духу умершего тунгуса.

Карамзин по справедливости может был назван царём Джугджура¹. Нет ни одной тропинки в густой тайге, ни одной речонки, которых бы он не знал. Пешком или верхом на коне (у него одного из здешних тунгусов только и имеется конь на пространстве до самого Аяна), с винтовкой за плечами, отправляется в Нелькан или Аян. Он заботливо охраняет тайгу от пожаров, для чего строжайше наказывает ямщикам не бросать огня в тайге. Лесной пожар грозит тунгусам большими убытками, так как на горелых местах олени корма почти не возобновляются, а в оленях — все благосостояние здешнего края.

Земля заметно очищалась от снега. К началу мая поляна перед жильём уже просохла, и по лесу уже просохли пригорки. Зацвели анемоны. Реки вошли в свои берега. Окрестные горы очистились от снега — по временам они закутываются густыми облаками.

Наши рабочие занялись сооружением «ветки»² на р. Челасине. Потом приступили к рытью погреба для хранения экспедиционных продуктов — масла, мяса. Часто отправлялись на рыбную ловлю и охоту, но вскоре отказались от того и другого, так как быстрым течением реки уносило сети и подбитую дичь.

30 апреля верстах в 10 от Олгондó выпал снег.

3 мая к вечеру прибыл крестьянин Топорков и тунгус Емельянов, на попечение которых были оставлены лошади в Нелькане. Они едва добрались до Олгондó, оставив лошадей на берегу Челасина, так как не могли переправить их через реку. При переправе через реку Аимчан у них сорвало водой вьюк с палаткой, бельём и топором и унесло течением. На другой день лошадей переправили на наш берег, а на оставшихся на том берегу Топорков уехал снова в Нелькан за продуктами, так как наши значительно поубавились, к тому же мы несколько дней уже сидели без сахара и спичек.

С полудня пошёл снег, сменившийся дождём. Вечером Карамзин устроил пожар на месте своей палатки. Дело в том, что во время послеобеденного отдыха к нему на лицо вползла ящерица. Тунгусы боятся этого безобидного животного и, чтобы уничтожить его, Карамзин выжег место на пространстве по крайней мере десяти аршин. Палатку же перенёс в другое место.

¹ Джугджур — Становой хребет (по-якутски).

² Ветка — небольшая лодка, сколоченная из трёх досок. Поднимает одного-двух человек.

Рис. 12. Приаянские тунгусы.

7 мая В.Е. Попов, А.А. Ховрин и Карамзин отправились верхом на Джугджур для осмотра оставшихся перевалов. 12 мая они вернулись, остановившись в выборе на перевале «Танча», или «Джугджуре II», как его иначе называет Карамзин.

Предполагалось вскоре выступить с работами. Карамзин занялся чисткой двора, так как, собираясь надолго оставить Олгондó, надо было обезопасить его от огня, который, в случае лесного пожара, легко мог зайти по мусору и на постройки.

15 мая в ночь пошёл снег, не прекращавшийся весь следующий день. Земля покрылась им на 2-3 вершка. Пришлось отложить начало работ, так как реки поднялись, к тому же не все лошади были в сборе.

17 и 18 мая вновь выпадал снег, сменявшийся дождём. Окрестные горы забелели.

Вернулся Топорков из Нелькана, привёз продукты. И на этот раз с ним случилось несчастье: при переходе через реку Маил у него сорвало

вьюк и унесло водою. Некоторые продукты подмокли, особенно пострадали сахар и спички.

Карамзин приступил к ковке лошадей на предстоящий путь по Джугджуре. Недавно прибывшие тунгусы сообщили, что на Джугджуре снег уже стоял. Приёмыковки лошадей настолько примитивны, что 8 человек едва в состоянии справиться с одной лошастью. Вместо станка её заземляли между брёвен, обвязав кругом верёвками.

20 мая отправили вперёд часть груза. 22 и 23 падал снег, но вскоре растаял.

23 мая в полдень выступили к Сагыннаху, где весною оставили 87 репер. Расположившись лагерем на реке Челасине, переправились в ветку на противоположный берег, дошли до Сагыннаха и оттуда начали работы, держась прямой линии на Олгондó к озеру в версте к югу от усадьбы Карамзина. Впереди шёл Карамзин, указывая приблизительное направление на озеро, за ним двигались инструменты. Долго ныряли по топкому болоту, поросшему густым кустарником и усеянному высокими кочками. Местами вода доходила выше колена. Погода была тёплая. Ночевали в лагере. На утро выступили с работами. В полдень пошёл небольшой снег, превратившийся вскоре в жестокую пургу. Окрестности закрылись снегом. Кедровый стланец прилёг к земле под тяжестью снега, и странно было видеть на белом фоне снега раскрытые венчики анемонов. Пурга бушевала, толстые сухие стволы лиственниц и елей с грохотом, подобным пушечному выстрелу, падали на землю, увлекая в своём падении соседние стволы. В лесу, состоящем в этом месте сплошь из высохших деревьев, страшно было стоять. Едва успели закончить работы и поспешили в Олгондó. Снег настолько изменил пейзаж, что тунгусы-рабочие долго не могли найти дорогу. Пурга затихла только к 7 часам вечера.

26-го и 27-го заканчивали работы около Олгондó, прошли вперёд вёрст 8 и собирались в дорогу на Джугджур.

IV.

От Олгондó до Аяна.

Всё утро 28 мая было посвящено упаковке вьюков и навьючиванию лошадей. Карамзин осмотрел свою усадьбу. Закрыв досками отверстие

труб, дабы в них не набилось снега и дождя, прикрыл все дыры, и мы расстались с Олгондó, в котором теперь не осталось ни души.

Начиналась трудная часть пути и работ. Раньше (от Нелькана до Сагыннаха) шли по «тропе», изредка подрубая деревья, мешавшие инструментам. Здесь же всё время приходилось рубить густую стену тайги. Двигались прежним порядком: впереди Карамзин указывал более надёжные места, за ним двигались угломер и рабочие, рубившие просеку, далее нивелир и цепь.

Обоз — вьючные лошади шли по оленьей тропе, рассчитанной на зимнее время, на глубокий снег, покрывающий огромные кусты кедрового стланца, ёрника и толстые брёвна бурелома. Теперь кустарники стоят сплошную стеной и перебираться через толстые брёвна лошадям с 6-пудовыми вьюками очень тяжело.

Местность гористая, с гор спадает масса речек и ручьёв с руслом, покрытым сплошь камнями. Лошади идут гуськом. У одного вожатого 4-5 лошадей. Повод задней лошади перевязан на шее у передней и продевает петлю из волос хвоста.

Не все лошади одинаково относятся к воде: одна идёт в неё свободно, другая норовит перескочить ручей, третья совсем не идёт. Сделав прыжок, передняя лошадь обыкновенно падает в воду, так как задняя тянет её назад; тяжёлые вьюки опрокидывают упавшую лошадь навзничь, увлекаемые водою. Поводья рвутся, лопаются подпруги, и вьюки уносятся водою. Рабочие едва успевают спасти животное, которому угрожает опасность искалечиться, и ловить вьюки, в которых всё экспедиционное достояние. В холодной воде выше колена, они кое-как ухищряются сделать то и другое. Выбравшись со всеми лошадьми на берег, начинают чинить подпруги, поводья, вытряхивать воду из вьюков, вновь навьючивать лошадей, и, измокшие, продрогшие, кое-как добиваются до остановки, где развьючивают лошадей, разбивают палатки, разводят костёр и, в ожидании, когда подойдут остальные с работами, отогреваются у костра, и сушат промокшую одежду и обувь.

Местами, например, на реке Мохоту́, огромная наледь¹, по которой пришлось идти около 2 вёрст. Мокрая нога быстро стынет на льду.

¹ Наледь на реке Мохоту, по словам Карамзина, иногда растаивает в конце лета, иногда держится до новой зимы.

В дальнейшем движении держались прежнего порядка: с утра инструменты отправлялись на работы; рабочие при лошадях убрали лагерь во вьюки и передвигались вперёд версты на 4-5. где вновь разбивали лагерь, к вечеру подходили инструменты, варился чай и ужин.

Дневную еду работающие с инструментами брали с собой (лепёшка, масло и чай).

Дни стоят жаркие. Местность принимает ярко выраженный горный характер: высокие хребты совершенно голые или покрытые кедровым стланцем, узкие долины между гор прорезаны сильно извилистыми реками с массой гальки по руслу, берегам и отмелям. Густые лиственничные и еловые леса, с густым кустарником между деревьями, тянутся по обоим берегам рек.

Горы издали кажутся как бы выточенными из тёмно-зелёного камня. При ближайшем же рассмотрении они оказываются сверху донизу усыпанными осколками разрушившейся породы (граниты). Более крупные камни свалились вниз к подножью гор, и местами лошадям приходится перебираться по глыбам до кубической сажени величиной. Камни осыпи сплошь покрыты тёмно-зелёными пятнами лишайников и плесени. Растительности по склонам гор нет, кроме тощих редких лиственниц с обнажёнными корнями, извивающимися среди камней, да редких кустов кедрового стланца, распластавшего свои стволы далеко по камням. На зелёном фоне камней чернеют полуистлевшие трупы деревьев, опрокинувшихся вниз вместе с камнями.

Горы Джугджур в общем производят впечатление огромных куч щебня, медленно просыпанных сверху. Не без основания создалась у тунгусов легенда о происхождении Джугджур. Когда Бог — говорит легенда — сотворил землю, то у него осталось много лишнего камня, которого некуда было девать, он и высыпал его из своего мешка на место, где теперь Джугджур.

Характер строения этих гор и беспорядочное их расположение натолкнуло тунгусскую мысль на создание этой легенды. Действительно, при взгляде на эти горы видишь огромные кучи осыпи, достигающие 5.000 футов вышины. Роскошный ковёр лишайников всевозможных цветов закрывает местами камни и заполняет щели между ними. У подошвы гор тянутся сплошные насаждения багульника иногда на вёрсты в длину. Вслед за кедровым стланцем он поднимается на склоны гор. В горах несмолкаемый шум спадающей с гор воды.

Здесь водится в большом количестве горный баран («чубукá» по якутски), который питается исключительно лишаями, да медведь, пищу которого составляют кедровые орехи и голубика, в большом количестве растущая по открытым склонам. Взлетают куропатки, и над обрывами рек, по еловым лесам, посвистывают рябчики. То и дело слышится пронзительный настойчиво вопрошающий писк пищухи — грызуна, живущего в щелях между камнями.

Двигаемся всё время по долинам речек, покрытым толстыми наледами. Из-за прибрежных лесов и ближайших гор вдаль почти не видно, и потому, несмотря на близость нашего перевала («Танча»), его не видно.

31 мая ночевали недалеко от подошвы его. 1 июня стали подниматься на перевал. Подошва покрыта густым лиственничным лесом, из-за макушек которого мелькает где-то далеко в синеватой дымке вершина горы.

Охватить громаду гор сразу невозможно, и только поднявшись приблизительно на половину высоты их, где лес заметно редет и вскоре кончается, видишь перед собою высокие гольцы, лишённые растительности и затянутые голубоватой прозрачной дымкой.

Здесь ещё много снега, особенно по распадкам, где глубина его доходит до 3-4 аршин. Среди снега с шумом проносятся вниз горные ручьи. Здесь они не шире аршина. Это те самые ручьи, которые там, далеко внизу, в долинах, превращаются в буйные реки, увлекающие в своём течении огромные камни, подрывают берега и нагромождают целые горы плавника по своим островам.

Подъём на перевал Танчу длинен и местами, где пролегает оленья тропа, крут. Инструменты идут в косогоре, по склону горы, который медленно повышается и незаметно подходит к седловине перевала.

Ковёр лишая, напитанный весеннею водою, скользит под ногами и легко сдвигается с камней, что затрудняет подъём. Где-то под камнями слышно журчанье воды и плеск падающих капель. Прямо перед глазами вверху синее голая седловина перевала. Слева подходит к ней огромной вышины совершенно голый хребет, образуя как бы левую луку седла: справа, освобождаясь постепенно от покрывающего его леса, поднимается кверху правый хребет и, подходя к седловине, образует её правую луку. Между этими хребтами распадок, по которому устремляется горный ручей.

Кое-как перевели лошадей через ручей с берегами, покрытыми глубоким снегом, и они стали выбираться на перевал. Говорить о какой-нибудь дороге здесь не приходится. Если зимою и была здесь дорога, то рассчитанная на саженный снег: теперь здесь снизу доверху груды камней от 3 вершков до $\frac{3}{4}$ аршина величиной. Если лошадям без вьюков двигаться по ним невозможно, то можно себе представить, что они испытывали при 6-типудовых вьюках на спине.

Кое-как, с частыми остановками, при громких криках всех рабочих, лошади, напрягая последние силы, взобрались на седловину.

С седловины открывается великолепный вид на длинное ущелье долины реки Танчи. Справа и слева почти параллельные голые хребты. Дальше долина уставлена массой гор и голые вершины их затянуты синеватой дымкой. Где-то далеко у самого горизонта желтеют скалы, освещённые солнцем. Очертаний этих скал не видно.

Карамзин утверждает, что с этого перевала в ясный день видно Охотское море (около 70 вёрст). Вполне вероятно, так как воздух здесь очень прозрачен.

Позади, уходя далеко к горизонту, синеют горы или их острые гольцы. Спереди и сзади седловины глубокие пропасти, по которым с шумом низвергаются горные ручьи. Древесная растительность осталась далеко внизу, и видно, как тёмною извилистою лентой вьётся по изгибам речек полоса елового леса. По склонам гор зеленеют лиственница и кедровник. На камнях под ногами только ковёр лишая да изредка попадается распластанный по земле кустарник.

Спуск с перевала более полог. Пересечённый большим распадком с горным ручьём, пробивающимся из-под снега, он незаметно переходит на высокое, узкое плато, по обеим сторонам которого спадают с гор ручьи, сливаясь внизу, в конце плато в общее русло и образуя реку Танчу. На этом плато решено было сделать продолжительную остановку, чтобы дать роздых лошадям, утомлённым тяжёлою дорогой; рабочим и всем участникам экспедиции тоже нужно было отдохнуть и привести в порядок изорванную одежду и обувь.

Увеличить «паёк», в чём чувствовалась большая нужда вследствие утомительной работы, было нельзя и потому питались прежней порцией: 2 фунта ржаной муки, $\frac{1}{3}$ топлёного масла. Мясо давно вышло. Предполагалось простоять лагерем дней пять, так как позади остава-

лись недоконченные работы. Инструментальная съёмка здесь чрезвычайно затруднительна, в среднем с нивелиром проходили на перевале 2½ версты в день, так как, кроме продольной, производилась ещё и поперечная подробная нивелировка.

Разбили, как и всегда, палатки. С сожалением пришлось рубить лиственничные деревья, так как их на всём плато не более 15 штук, да и те настолько изогнуты и покручены, что сделать из них более или менее ровный шест для палатки нельзя было. Костёр поддерживался исключительно кедровым стланцем, которым поросло всё плато.

Лошади были отправлены на траву версты за 4 от лагеря.

2 июня прекрасный солнечный день. К вечеру прошёл небольшой дождь. 3 июня с утра выпал снег, пролежал до полудня. Горы закрылись густым туманом. Мало-помалу туман спустился вниз и закутал весь лагерь. 4 июня вершины гольцов покрылись снегом. Целый день туман. С утра отправились с работами за перевал.

5 июня с утра выпал снег. С перевала пришли рабочие и сообщили, что там была сильная пурга, прекратившая работы, — всё покрылось снегом и льдом. Над лагерем целый день ползут густые туманы, поднимаясь на седловину.

Вечером Карамзин вдруг исчез, и вскоре мы услышали пронзительный свист — это он, как оказалось, пытается предсказать на завтра погоду. Если, по его словам, эхо откликается всё выше и выше, — будет хорошая погода, туман «упадёт на землю» и небо прояснится. Туман между тем продолжал ползти, цепляясь за высокие гольцы. Карамзин не унимался и, заходя с разных сторон плато, продолжал свистать. Вернувшись в палатку, он сообщил, что завтра будет ясный день. Легли спать, закутанные густым облаком тумана.

6 июня с утра выдался действительно прекрасный день. Чистое безоблачное небо, солнце стало припекать. К полудню вернулись из-за перевала инструменты.

7 июня день тёплый и ясный. С утра отправлены рабочие на Аян в помощь первой партии.

В полдень через лагерь прошло оленьё стадо Карамзина, около 100 голов. Многие навьючены домашним скарбом, на других едут верхом мужчины, женщины и дети. Стадо с шумом спустилось вниз, и вскоре скрылось в густых зарослях.

8 июня с утра пошёл дождь, сменившийся большим снегом, вскоре засыпавшим окрестность. Сильный ветер закрутил снежные хлопья, началась пурга. Местность вдруг стала неузнаваемой — всё побелело, кедровник преклонился к земле. Стало холодно. Техники ушли на работу до пурги.

Разобрать палатки, на которых лежал толстый слой смёрзшегося снега, навьючить лошадей, дрожавших от холода, стоило большого труда. Всё перемокло и покрылось ледяной коркой. Кое-как убрали лагерь, и спустились вниз с плато и, перейдя быстрый ручей, вступили в долину Танчи. Внизу ветра меньше и теплее. На реке Танче толстая (до 1 сажени) наледь, по которой стекают небольшие ручьи, спадая в трещины льда. До остановки перешли Танчу раза четыре по колени и выше в воде.

На другой день рабочие вернулись на плато за оставленным грузом, нашли всё покрытым толстым слоем снега и ледяной коркой. По долине Танчи, стиснутой с двух сторон высокими горами, растёт берёза, тополь. Дальше, выбираясь на склоны гор, лиственница, которая к вершинам гор значительно редееет и совсем исчезает, уступая место кедровому стланцу.

По реке часто попадаются наледи, сильно подмытые снизу водою, и каждую минуту слышится грохот падающих на воду ледяных глыб. Стоустое эхо повторяет этот грохот, напоминающий отдалённую канонаду.

Каждый вечер мы останавливаемся на берегу Танчи на ночёвку.

С 7 по 10 июня перешли реку 12 раз. Вода местами выше колена.

11 июня остановились с работами почти в полдень, так как предстоящий через Танчу брод оказался очень глубоким: при сильном течении реки являлась опасность для людей и лошадей. Карамзин предложил дожидаться утра, когда вода значительно убудет. Вследствие ночного холода таяние снегов замедляется и уровень воды понижается. Остановка была тем более кстати, что здесь имелось в виду сдать часть груза карамзинским пастухам для доставки вперёд вёрст на 30 на реку Алдому и облегчить таким образом лошадей. Теперь можно было забирать весь лагерь, не оставляя позади ничего, как делалось раньше, что сильно утомляло лошадей. Здесь же был приобретён у Карамзина олень на мясо, так как уже давно все питались ржаной якутской лепёшкой и топлёным маслом.

За сдачей груза, который пришлось аккуратно развешивать не более пуда в каждую оленью суму (2 пуда предельный вес парной вьючной сумы) прошло полдня; не мало времени отняла и разделка оленя на мясо, и только 13 июня рано утром тронулись в путь. Танчу перешли благополучно, хотя почти все набрали в сары воды.

Обоз идёт всё время оленьей тропой, переходя по несколько раз реку с широкими берегами, заваленными галькой. Инструменты идут косо-гором, прорубая всё время просеку. Дни жаркие. Появилась масса комаров. До 16 июня перешли ещё раз пять Танчу и расстались с нею, так как она свернула влево. Вдали показались Алдомския горы в виде группы конусообразных гольцов, покрытых редким лесом или совершенно голых. Дорога становится хуже. Крутые подъёмы на горы покрыты густым лесом, ёрником и кедровым стланцем. Почва сырая, с толстым слоем мха, напитанного водою даже на крутых склонах. Огромные брёвна в беспорядке разбросаны по лесу.

17 июня подошли к берегу реки Алдомы. Через реку можно было переправиться только на лодке, которую мы нашли в тальниках. Она принадлежит Карамзину. Каждый может пользоваться ею под непременным условием, по миновании нужды в ней, укрепить её так, чтобы разливом реки, которые бывают после каждого большого дождя, её не могло унести.

Алдома в этом месте не шире 20 сажений, но течение её очень быстро; глубина доходит до 2-3 аршин. Широкие берега покрыты пёстрой галькой. Слева впадает речка Джагда, по берегам её есть золото (по словам Карамзина). До сих пор сохранились шурфы экспедиции Богдановича.

На противоположном берегу Алдомы устроены навесы, где тунгусы вялят рыбу. Около навесов разбросаны, очевидно негодные, дощечки, на которых взрезают рыбу. В половине июля, когда рыба поднялась из моря в реки, тунгусы съезжаются к этим навесам и заготавливают её на зиму в виде «юколы»¹ и «порсы»².

Из моря по горным речкам рыба доходит до Джугджура. По дороге она вымётывает икру. Некоторые виды успевают выметать икру и вернуться в море, другие задерживаются в реках довольно долго, и здесь умирают, не будучи в состоянии уплыть по мелкой воде.

¹ Юкола — разрезанная вдоль рыба, из которой вынут костяк. Боковины поперечно надрезаются ножом, чтобы мясо скорее просыхало. Завяленная рыба идёт в пищу.

² Порса — сушёное, истолчённое в муку рыбье мясо.

По берегам валяются кучи дохлой рыбы, которую водою выбрасывает на камни. Особенно много «горбушки», которая почти никогда не успевает вернуться в море. Пространствовав по речкам, сильно истрепавшись по камням, рыба худеет — «лощает», как говорят. Нос её загибается кверху, на спине появляется высокий горб, от которого, очевидно, рыба и получила название. В большом количестве «лощалу» рыбу истребляют медведи.

От Алдомы дорога идёт по высоким холмам. Изредка с вершины холмов открывается волшебная панорама окрестных гор, синюющих сквозь прозрачную дымку.

Перешли реку Молкучи не шире 3 аршин с долиною около 1 версты шириною. Долина покрыта крупными камнями, затянутыми мхом, и сплошь поросла голубикой. 20 июня остановились на берегу речки Нячанга, в 25 верстах от Охотского моря. В зимнее время возчики чаёв вывозят сюда всю партию чая из Аяна и уже отсюда понемногу увозят его в Нелькан. Делается это потому, что в окрестностях Аяна плохие олени корма.

Дни стоят жаркие. Кроме комаров, появились овода, которые сильно беспокоят лошадей, прокусывая большие отверстия в шкуре.

21 июня вечером работы нашей партии закончились. Мы подошли к «Казённой тропе». Участок её до Аяна снят первой партией. На одном из ближайших реперов нам оставлен пакет, в котором первая партия извещала нас, что 18 июня она оставила Аян, и направилась с работами по «Казённой тропе». Таким образом мы разошлись.

22 июня шли без работ. Часа через два пути по холмам, из-за деревьев леса мелькнула гладкая полоса воды, потом прибрежные скалы, и вскоре из-за поворота открылась панорама Охотского моря. Глаз, привыкший видеть перед собою сплошную стену леса, вдруг мог охватить огромное пространство, совершенно ровное и гладкое. Вблизи синели прибрежные скалы, ограничивающие большой залив при впадении реки Уя в море. В версте от берега моря, за высоким мысом расположена усадьба Карамзина на берегу речки Сибокчана, притока Уя. Высоким мысом усадьба защищена от морского ветра.

До Аяна оставалось 8 вёрст. Остаток дня мы провели у Карамзина. Здесь живёт его жена и малолетняя дочь. На дворе несколько изб, в которых живёт родня Карамзина. Нас угостили роскошным обедом из све-

жепойманной красной рыбы («майма»). Стол богато сервирован. Серебряные ложки, американские тарелки, солонки как-то не гармонировали с простою обстановкой избы и нашим дорожным костюмом. Переночевав здесь, мы наутро пришли в Аян, перевалив три высоких горы.

Аян — одна из удобнейших бухт на Охотском море. С трёх сторон она закрыта горами. Небольшой вход в неё открывается на юго-запад. Перед входом в бухту большой риф, о который разбиваются валы, идущие с моря.

Во время навигации¹ Аян посещают три парохода, рейсирующие между Владивостоком и Петропавловском (на Камчатке). Один казённый, доставляющий казённые товары для местного склада: порох, свинец, соль и муку, два другие зафрахтовываются якутскими купцами и иностранных фирм для доставки чаёв в Аян.

В настоящее время в Аяне живёт три русских семейства: два купца, — доверенные и урядник, и не более десятка тунгусов и якутов, живущих в услужении у названных лиц в качестве прислуги и рабочих. Все постройки Аяна (около 15 домов) принадлежали некогда Р.-А. К°, теперь находятся в ведении Русского Товарищества котиковых промыслов. Некогда это были красивые домики, крытые красной американской черепицей; теперь они пришли в ветхость, некоторые совсем разрушились.

Аян расположен по большому распадку в горах. В конце посёлка маленькая церковь (без священника). От церкви к бухте местность постепенно понижается. Распадок покрыт редким лиственничным лесом, по склонам густые заросли низкорослой берёзы и кедровника.

Зимой, как только установится санный путь, в Аян съезжаются тунгусы — возчики чаёв со своими оленями. В это время Аян оживает. В остальное время здесь полное затишье. По целым дням раздаётся вой ездовых собак, которых в Аяне свыше 70 штук у одного хозяина. Зимой на них возят дрова, а также употребляют для поездок в Нелькан.

Из достопримечательностей Аяна можно упомянуть о ботике Филиппеуса, на котором он спасся после крушения на море. Ботик, по завещанию Филиппеуса, стоит под навесом. Около навеса небольшая (в $\frac{3}{4}$ аршина длиной) пушка, такая же стоит и около церкви. На берегу бухты большие пакгаузы, в которых хранится имущество Р.Т.К.П., а также казённые товары. Пакгаузы выстроены китайскими рабочими.

¹ Бухта вскрывается в конце мая. замерзает в начале декабря.

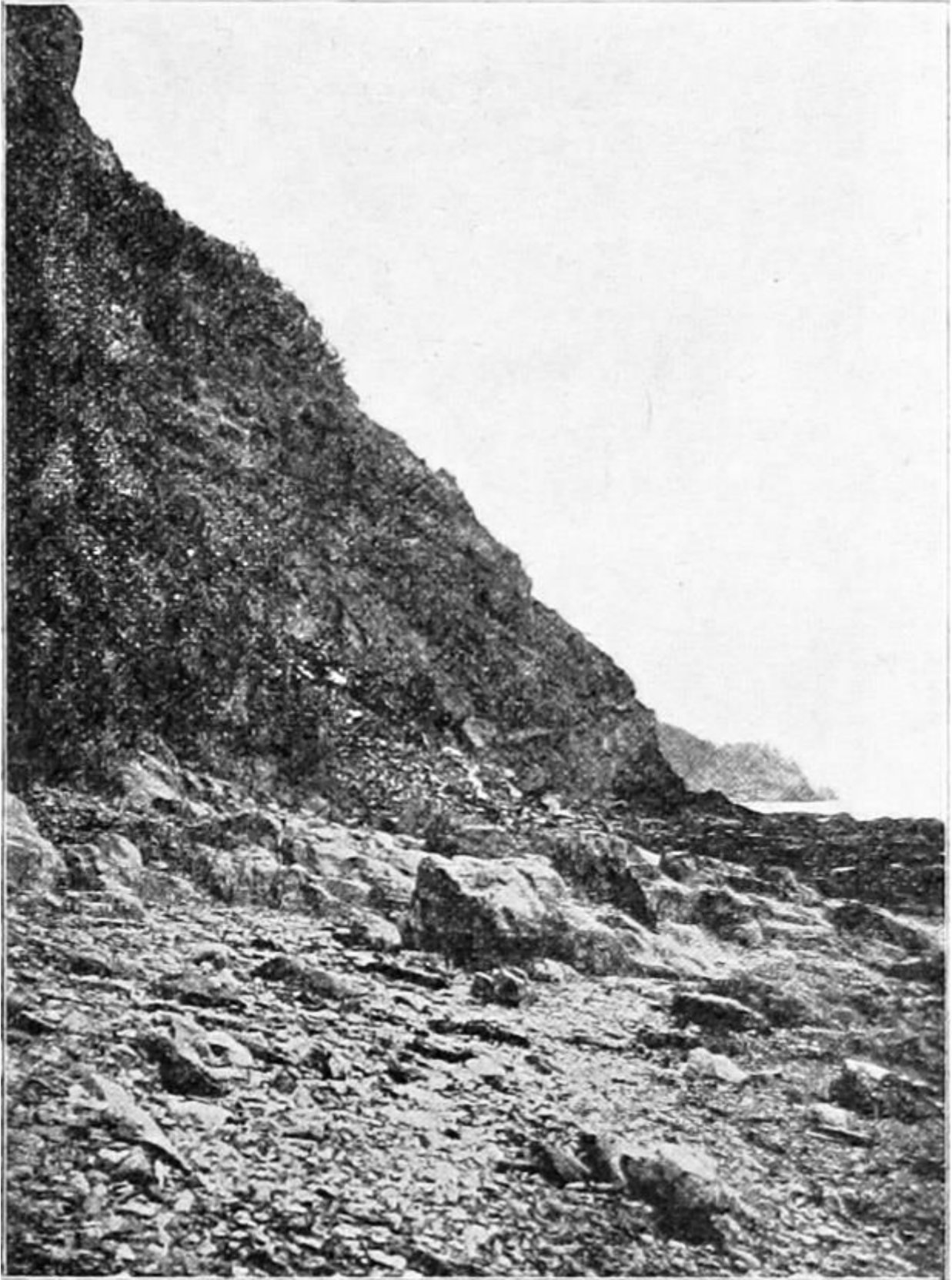

Рис. 13. Берег Охотского моря у Аяна.

Местоположение Аяна в общем довольно живописно, но в климатическом отношении трудно найти что-либо худшее. Через перешеек по-

зади Аяна врывается жестокий северо-восточный ветер, летом нагоняющий густые туманы с моря, зимою приносящий пургу и выдувающий весь снег с поверхности земли.

Из 24 дней, проведённых нами в Аяне, 4 дня было ясных, 6 пасмурных без дождя и 14 дождливых¹. Но если Охотское море не балует жителей хорошим климатом, то доставляет обильную пищу в виде массы прекрасной рыбы («горбушка», «нярка», «кунджа», «кэта», «майма» и др.) В большом количестве сюда заходит нерпа, которую бьют ради её жира и шкуры. Из последней выделывают ремни для оленьих лямок, уздечек и др., а также шьют выючные сумы. Нерпичий жир идёт в пищу и то только первое время промысла, дальше берут только шкуру, вся же туша оставляется на берегу, привлекая голодных медведей.

Стоит ли говорить о том, что огромное количество рыбы и нерпы, заходящее на аянское побережье Охотского моря, потребляется населением в минимальном количестве. Рыба ловится только для потребностей дня, да частью заготавливается впрок в виде «юколы». Ни рыба, ни нерпа не служат предметом вывоза. По берегам бухты гниют кучи мелкой рыбёшки («уйки»), выбрасываемой приливом. Иногда волны прибоя кажутся чёрными от множества этой рыбёшки. В свежем виде её иногда едят собаки.

В Аяне нам необходимо было дожждаться парохода, который должен был доставить нам продукты. Кроме того, изо дня на день мы ожидали прибытия двух членов-этнографов экспедиции (В.М. Ионова и Э.К. Пеккарского).

2 июля В.Е. Попов и Карамзин осмотрели перевалы у реки Нячанга, которыми можно было обойти хребты около Аяна.

3 июля пришёл пароход «Сунгари», доставивший нам провиант; в ночь пароход ушёл во Владивосток.

5 июля пришёл тунгус-нарочный из Нелькана. Вместе с официальными бумагами он принёс и письма, доставленные пароходом в Нелькан из Якутска. Тунгус прибыл на 6-й день. Два раза в пути его задержал медведь, от которого он спасся только благодаря своей собаке. Она отвлекла медведя, а тунгус, не рискнувший из дробовика стрелять по медведю, занимался в это время приготовлением обеда и чая. На Алдоме он долго провозился с плотом, на котором ему, наконец, удалось

¹ В метеорологической будке, давно заброшенной, были уставлены инструменты и, разделившись на очереди, мы производили ежечасные наблюдения.

переправиться через реку. Он запоздал на два дня, так что последние дни шёл без пищи.

Кроме писем, он принёс нам, как водится, новости: из Нелькана вскоре, по его словам, должен выехать судья, направляющийся на Сахалин (олёкминский судья г. Поплавский). Новость для нас была приятною, так как на обратных лошадях мы могли отправить свой груз и, облегчив своих лошадей, имели бы возможность ехать в Нелькан верхом.

Время шло. Членов этнографов всё не было. По нашим предположениям, разделяемым и Карамзиным, они могли задержаться на Алдоме, которая, вследствие дождей, вышла из берегов. Двинуться в путь, не дождавшись их, можно было рисковать разъехаться с ними, так как неизвестно было, по какой тропе они направляются. С другой стороны, надо было спешить и из Аяна, так как предполагались дополнительные изыскания около Нелькана (по р. Игнякяну), а к тому же надо было подумать и о дальнейшем движении из Нелькана в Усть-Майское, чему угрожало мелководье, а в случае запоздания, и шуга.

Пытались подрядить одного тунгуса на доставку нашего груза в Нелькан. Тунгус согласился было, но на утро заявил, что олени разбрелись по тайге¹, и он не может с уверенностью сказать, когда сможет их поймать. Если будут ясные дни, то олени выйдут из тайги к морю, где комаров нет, а так как дождливые дни, по-видимому затянулись, то придётся дожидаться слишком долго. Поэтому решили выступить из Аяна тем порядком, как и пришли сюда. Часть груза оставили местному уряднику с просьбой сдать ямщикам обратных лошадей, которые доставят судью в Аян. Сами с навьюченными лошадьми, пешком выступили 16 июля из Аяна.

V.

От Аяна до Нелькана.

Предполагаемый обходный путь от Аяна, минуя три хребта, прошли барометрической съёмкой². К вечеру все собрались у Карамзина в его усадьбе. 17 июля утром двинулись в путь, взглянули последний раз на Охотское море и вступили в тайгу.

¹ В пасмурные дни в тайге комаров мало.

² Контрольный барометр (А.А. Ховрин) оставался в Аяне.

Шли без работ по «Казённой тропе», чтобы осмотреть её и «Казённый» перевал. Первое время стояли пасмурные дни с массой тумана, который тянулся с моря на материк. Потом пошли ясные жаркие дни.

Старая дорога с довольно широкой просекой кое-где ещё уцелела. По низинам и топким болотам были некогда устроены мосты и «накатники», от которых теперь остались только в беспорядке разбросанные брёвна, местами уже истлевшие. Невдалеке от Аяна уцелел длиннейший мост и около него масса брёвен, предназначавшихся, очевидно, для ремонта. Остальные мосты и «накатники» настолько опасны, что лошадей приходилось переводить по топким болотам, дабы не перекалечить их.

По речкам от мостов остались только береговые устои, середина вырвана водой и сброшена куда-нибудь на берег.

18 июля появились комары (в Аяне их нет), и началась тяжёлая для людей и лошадей дорога. Подковы с копыт сорвались ещё около Аяна.

В полдень стали подниматься на высокий хребет Малгын-Джугджур (он же Малый Джугджур). Подъём длинен и довольно крут. Весь усыпан острым камнем. С вершины его открывается прекрасный вид назад, на Охотское море и его прибрежные горы.

Местность кругом по всем направлениям покрыта горами. Лиственный лес доходит до половины высоты М. Джугджура, выше встречается только кедровый стланец. На вершине горы небольшие озерки воды, и весь спуск покрыт толстым ковром мокрого мха.

Спустившись с М. Джугджура, встретили олёкминского судью с большим караваном вьючных лошадей и массой собак. Договорились с его ямщиками насчёт подъёма нашего груза из Аяна. К вечеру прибыли на берег реки Кения, где расположились на ночёвку. По реке идёт масса рыбы («горбушки»). Река здесь очень мелка, так что рыба ползёт по камням, часто выбрасываясь на них, где и издыхает. Рыбы так много, что, встав поперёк реки, можно было руками наловить себе на ужин. Некоторые экземпляры ещё с икрой, достигали 6-7 фунтов.

По берегам Алдомы и её притока Кения ещё держатся толстые наледи, хотя русло уже очистилось от льда.

19 июля перешли Алдому. Река довольно широка и настолько быстра, что течением сшибает с ног. Ледяная вода до боли знобит ноги. Поднявшись на гору, прошли по гигантскому сооружению, уцелевшему ещё от старого тракта. Огромные глыбы камней косогора отвалены вниз к воде реки Алдомы, которая протекает под косогором; высокий

косогор, таким образом, сглажен и на образовавшейся куче камней проложена дорога. Отваленные камни подпёрты толстыми деревянными сваями. Дорога рассчитана на глубокий снег, и потому огромные глыбы камня с неё не убраны. На противоположном берегу впадает в Алдому река Ненгдала, дальше за хребтом начинаются истоки реки Ватанги.

20 июля А.А. Ховрин и Карамзин отделились от нас с тем, чтобы осмотреть перевал Быранджа и пройти по нему в Олгондо.

Мы тронулись дальше по «Казённой тропе». Несколько раз уже перешли Алдому. Когда спросили у одного тунгуса, сколько раз ещё предстоит перейти реку, он ответил: «сколько угодно». И действительно, мы перешли её бесконечное количество раз.

«Казённая тропа» сильно заросла ёрником, ольховником и лиственничным молодняком.

21 июля мы остановились у подножья «Казённого» Джугджура с «казённым» перевалом через него.

До сих пор проходили вёрст 15-17 в день. Лошади заметно выбиваются из сил. Корма хорошие, но дорога слишком тяжела: от Аяна и до Джугджура не было и двух вёрст более или менее мягкой дороги. Вся она сплошь усыпана мелким камнем, берега рек и их русла, по которым часто проходит дорога, завалены крупной галькой. Податься в стороны некуда, так как по обеим сторонам дороги наворочены глыбы камней, свалившихся с гор.

Отдохнув у подножья горы, стали медленно подниматься на перевал, вершина которого кажется неприступной. Справа и слева от вершины отходят в стороны гребни гор, ограничивая огромнейшую пропасть, по бокам которой вьётся узкой беловатой лентой тропа по жёлтым острым камням. Внизу кое-где попадаются кустарник (ёрник, ольховник, кедровый стланец). Чем выше, тем растительность радеет, и наконец, остаётся только кедровый стланец и лишай. Идём зигзагами по правому боку пропасти, делая частые остановки, почти через десятки шагов. От сильного напряжения с лошадей валит пот градом. Не будучи в силах подниматься на гору, они делают скачки, от которых вьюки срываются и скатываются вниз. Поднявшихся немного лошадей приходится удерживать за повод, иначе они сунутся вниз. Каждую минуту являлось опасение, что лошади откажутся идти; остановиться же здесь, не имея кормов, значило заморить их окончательно. Копыта, лишённые подков,

сильно истёрлись о камни, и нижняя сторона их раскраснелась. Пропасть оглашалась неистовыми криками погонщиков лошадей. До вершины перевала ещё далеко. Казалось, что под зноем солнца, по острым камням мы не доберёмся до вершины.

Однако, через два часа напряжения всех сил мы кое-как достигли вершины. Внизу огромная пропасть, с почти отвесными боками; на дне её темнели небольшие оазисы зелени. Дальше синели вершины гор, уходя к самому горизонту.

На седловине перевала, лишённой растительности, в кучу камней водружены два столба с остатком конских волос и тряпок — жертва духу Джугджура. Столбы, очевидно, привезены снизу, так как вблизи нет ни одного деревца. Около седловины, на стороне, обращённой к морю, широкая полоса слежавшегося снега; отсюда берёт начало река Алдома, ширина её здесь не более 2-3 вершков.

Насколько крут подъём, настолько полог спуск. Это слабая сравнительно покатость к истокам р. Кынгычанга. Долина речки покрыта зелёным ковром мха и пушистым ольховником. Ниже начинается листовенный лес. Здесь сыро и прохладно.

Спустившись вниз, остановились на ночёвку у берега Кынгычанга. Ночью выпал дождь, промоливший всю одежду и обувь, развешенную у костра для просушки.

20 июля прошли горы Бом-Тас. Широкая долина, среди двух почти параллельных хребтов, завалена огромными глыбами камня до 2 куб. сажень величиной. Глыбы разбросаны в беспорядке по долине. Среди этих глыб прорывается с шумом река. На береговых камнях навалены кучи брёвен — остатки некогда бывшего здесь моста. Говорят, что в прежнее время поперёк долины стояла гора, взорванная Американской Компанией при проведении здесь тракта. Справа от дороги гора сильно развороченных камней, за горой большая котловина.

По мере удаления от Джугджура горы заметно уменьшаются, и уходят далеко к горизонту в виде небольших холмов.

23 июля к полудню дошли до старого Челасинского станка, от которого теперь остались только развалины юрты, да несколько столбов для привязывания лошадей. Здесь встретили рабочих первой партии, которые ловили разбежавшихся по тайге коров¹.

¹ Коровы эти предназначались на мясо для экспедиции, но запоздали. Их продали аянским купцам, куда они теперь и перегонялись.

Рассказывая по пути новости, рабочие довели нас кратчайшим путём до Олгондó, где нас встретили члены первой партии В.С. Панкратов и П.Ф. Теплов, а также А.А. Ховрин и Карамзин; последние пришли на сутки раньше нас.

Что касается этнографов, то Э.К. Пекарский уехал по тапчинскому перевалу на реки Алдому и Лантар, а В.М. Ионов спустился по рекам Мае и Алдану — оба для исследования тунгусов, живущих по этим рекам.

Теперь оставалось добраться до Нелькана, откуда уже предстояло водное путешествие. В.С. Панкратов и А.А. Ховрин решили вернуться вновь на Джугджур для геологических исследований.

28 июля мы распростились с ними с тем, чтобы к 20 августу собраться всем в Нелькане.

Идём знакомыми местами, по которым шли зимою. Но теперь их трудно узнать. Там, где был глубокий снег — теперь огромные рытвины и ямы. На остановках, около урас целый лес деревьев, срубленных аршина на 2 от земли — зимой их не видно из-под снега. Прошли широкую долину реки Хатынг-Маила, сплошь покрытую кочками и камнями, затянутыми толстым слоем мха. По камням, едва журча, протекает узкая (аршина в 2) речка. Дальше за холмом, пересекающим долину речки, огромная Маильская тундра, окружённая кольцом невысоких гор. Местами тундра покрыта тальником и ёрником.

Через Маильскую тундру когда-то был мост, от которого теперь остались полуистлевшие брёвна, погружившиеся в толстый ковёр влажного мха. Лошади идут по тундре, глубоко проваливаясь в ямы среди высоких кочек; на дне ям камни или корни. Место Маильской тундры видно издали по трём конусам гор «Маил-тердэ», служащими водоразделом рек Маила (их три) и Игнякяня.

К вечеру пришли на 52 версту (от Нелькана), где расходятся дороги: «Казённая тропа» идёт через 13 перевалов, от неё отделяются ещё две, одна из которых направляется по долине реки Игнякяня, в обход этих перевалов. Около Нелькана она соединяется с «Казённой тропой» и даёт от себя ветвь, доходящую до берега р. Маи, несколько ниже Нелькана.

С 52-ой версты, В.Е. Попов с Карамзиным отправились на игнякянскую дорогу для выяснения приблизительного направления работ. 2 августа они вернулись с рекогносцировки, а 3 августа все выступили по

«Казённой тропе» с тем, чтобы на 43-ей версте разделить. Так как игнякянскую дорогу предполагалось пройти барометрической съёмкой, то один из барометров решено было установить в Нелькане.

Перед уходом с 52-ой версты Карамзин, дабы дать знать возвращающимся из Аяна рабочим, по какой дороге мы ушли, воткнул наклонно к земле, в сторону нашего пути 5-6 жердей, и зарубил лесину.

4 августа в Нелькане был установлен барометр, а 10-го закончены работы по игнякянской дороге. По словам прибывших, игнякянская дорога представляет почти сплошную топкую тундру, пересекаемую непроходимой тайгой на склонах гор¹. Тайгу приходилось всё время рубить, дабы пройти по ней; в топкой тундре лошади проваливались по брюхо. Что касается дороги с 43-ей версты по холмам и хребтам, то она покрыта обнажёнными камнями или затвердевшей глиной. Измученные лошади осторожно ступали на кончики копыт или жались к стороне дороги, где узкой лентой вилась по краю её трава или были ягодные кустарники.

В Нелькане разместились на прежних квартирах. Село пусто. Жители разъехались, оставались только три семейства. По селу, по его проспекту носятся бурундуки, легко перепрыгивая с забора на забор, да коровы беспечно щиплют траву. Осень заметно наступает. Листья желтеют, и река Мая мелеет с каждым днём.

Псаломщик здешней церкви, г. Винокуров, сделавший первый опыт посева хлебов, приступил к сборам.

В Нелькане были рассчитаны рабочие. Кроме денег, им было выдано, в виде награды, чай, сахар, мука и спирт, последнего они не пробовали в течение всей экспедиции. Лошади сданы были нельканским купцам. 12 августа распростились с Карамзиным. Он был награждён винтовкой, дробью, двуствольным ружьём, деньгами и продуктами. Прощание было трогательное, так как действительно жаль было расставаться с этим симпатичным, простым человеком, с которым пришлось день в день прожить вместе четыре месяца. С каждым из нас он был одинаково любезен и предупредителен.

13 августа вечером прибыли с Джугджура В.С. Панкратов и А.А. Ховрин. К Олгондо, где были ими оставлены некоторые вещи, они не могли

¹ Проложенная в косогоре, она должна представить значительные удобства по сравнению со старой — через 13 перевалов.

подойти, вследствие лесного пожара, который распространился на целые вёрсты. Карамзина они встретили недалеко от Нелькана и сообщили ему печальную новость. Он просил отрядить кого-нибудь из рабочих в помощь ему для тушения пожара. Рабочий был отправлен в ночь. Чем кончился пожар, мы не узнали, так как до нашего отъезда из Нелькана рабочий не вернулся.

VI.

От Нелькана до Якутска.

15 августа вечером был закончен ремонт лодки, заказанной для нас ещё летом членами-этнографами. Весь багаж был уложен, и 16 августа в 9 часов утра мы отчалили от Нелькана.

Большая лодка (около 8 сажень длины при 4 аршинах ширины) рассчитана на 150 пудов груза. Багаж был уложен на доски на дно лодки. Поверх багажа разложены постели. Над постелями устроен из корья навес. На носовой части и на корме по два огромных весла. На носу очаг для варки пищи.

Воды в Мае, как и предсказывали, оказалось мало. Вскоре по отплытии из Нелькана несколько раз слышался шелест лодки о подводную гальку, ещё дальше шелест стал повторяться чаще и, наконец, лодка за села. Так как шестами и вёслами сдвинуть её нельзя было, то казаки и рабочие, влезши в воду, тащили лодку на себе на более глубокие места. Как только лодка садится, около неё образуются большие отмели из гальки, которую вода быстро передвигает с места на место.

Дни стояли холодные при сильных ветрах.

В первый день проплыли около 45 вёрст, раз пять садясь на мели. По обеим сторонам извиистой реки высокие горы, обнажённые или покрытые желтеющим лесом. Вода реки настолько прозрачна, что на глубине сажени и более видны мельчайшие камешки. Целые табуны уток снимаются впереди лодки, или стремительно убегают нелётные утки, оставляя позади себя длинный, волнующийся след на гладкой поверхности воды.

На знаменитых «Семи протоках» — «сеття-юсь» — засели на мель, с которой едва снялись. Не проходит ни одна лодка, которая бы даже в большую воду не задержалась на этих протоках. В этом месте река раз-

бита островами на рукава: благодаря переносимой рекою гальке, глубина этих протоков так часто меняется, что, проплыв по одному протоку утром, нельзя ручаться, что с таким же успехом проплывёшь вечером.

Шли только днём, так как река ещё мелка. Ночевали, причалив к берегу, где варили ужин, так как на лодке это оказалось неудобным, ввиду сильных встречных ветров.

Изредка по берегам Майи попадает одинокая ураса, возле которой на берегу желтеют опрокинутые тунгусские берестянки. У воды развешены для просушки рыболовные снасти.

Проплыли Маймакан (Хахар). За Маймаканом встретили купца Соловьёва, передавшего нам письма. Он возвращался из Якутска и от Усть-майского плыл на берестянке, передвигаясь по мелким местам реки на палочках¹.

Проплыли пещеры «Абагы-дже».

Рис. 14. Привал экспедиции на берегу р. Майи.

¹ При каждой берестянке полагается одно и два весла с лопастями на обоих концах, и несколько палочек, которыми пользуются на очень мелких местах. По количеству палочек бывают берестянки двух-четырёх- и т. д. палочными.

Промелькнул Успун; великолепные скалы Хардачиллах (соколиные скалы). Идём вёрст 50-60 в день, почти не садясь на мели. Река заметно углубляется и становится шире. Холодные дни и морозные ночи.

Проплыли горы Тыллах. Счастливо пронеслись около водоворота под крутым берегом, куда сильно тянуло лодку.

20 августа минули устье реки Аима — половина пути между Нельканом и Устьмайским (300 с лишком вёрст). Ночевали около Кумахи, на берегу, у усадьбы И. Бубякина.

22-го проплыли устье реки Юдомы (усадьба Луки Бубякина). Вода стала мутно-жёлтой, вследствие обильного количества глины, выносимой этим притоком в Маю.

Промелькнула Чабда, Аяя. В ночь на 22 августа Гр. Топорков уехал на берестянке вперёд, в Устьмайское, чтобы распорядиться насчёт квартиры для экспедиции.

23-го к ночи поднялась сильная буря, едва не сорвавшая лодку с причала. Пошёл дождь, продолжавшийся целую ночь.

Утром 24 августа выпал снег, вскоре растаявший. К полудню, выйдя из воды реки Маи, пересекли р. Алдан и подъехали к Устьмайскому. Нас встретил Топорков, который приехал раньше нас в Устьмайское (в полтора суток он сделал 206 вёрст).

Расположились в избе Топоркова. Наутро предполагали выступить из Устьмайского, но, благодаря «содействию» местных властей (писаря и урядника¹, тунгусы отказались дать лошадей. После долгих переговоров кое-как удалось к полудню 25 августа тронуться из Устьмайского верхом на лошадях с лёгкими вьюками.

В.С. Панкратов, П.Ф. Теплов и казак Явловский остались в Устьмайском, так как не хватило лошадей.

Наша дорога идёт по тем же станкам, по которым проезжали и зимою. Дорога плохая. Местами невылазная тундра. Лист совсем пожелтел и осыпается.

Со станка Учугей-Мурана дали одну парную телегу для двоих. Остальные ехали верхом.

27 августа приехали на берег реки Амги, где не могли докричаться перевозчиков, и потому пришлось заночевать на берегу.

¹ Распоряжением г. якутского губернатора оба были после отставлены от должности.

На утро подали паром, на котором мы и переправились на противоположный берег; к полудню прибыли в село Амга, где пробыли два дня. 30-го выехали из Амги и 1 сентября, переправившись через Лену, прибыли в Якутск.

Экспедиция побывала в тех местах, по которым в 1854 г. проезжал И.А. Гончаров, возвращаясь из путешествия¹. То было время цветущего состояния края в связи с деятельностью Российско-Американской Компании, когда по всему пути от Аяна до Устьмайского (и далее до Якутска) были станки. На некоторых из них были даже склады этой компании (например, на Аиме). Население, как видно из описаний Гончарова, пыталось заниматься земледелием, везде можно было найти даже огородные овощи (капусту, картофель, морковь). Русские поселенцы устроились настолько хорошо, что благосостояние их дало повод Гончарову, глядя на майские берега, где «всё живописно, игриво (?), недостаёт только сёл, городов, деревень», воскликнуть «но они будут, нет сомнения».

С 1854 года воды в реке Мае утекло очень много и до сих пор (1903 г.) нет не только городов и сёл, но даже от прежних мало-мальски сносных станков и от прежнего благосостояния населения остались жалкие остатки, едва влачащие своё существование. Всё заброшено и пришло в ветхость. В Устьмайском ещё до сих пор можно видеть пакгауз Российско-Американской К°, где некогда складывались её товары. Дальше, по всему пути до Нелькана одинокие, жалкие, редкие юрты и избушки (часть их построена впоследствии и на других местах). В Нелькане один дом и пакгаузы, тоже принадлежавшие некогда этой компании, теперь арендуемые казной или купеческими фирмами. От Нелькана до Аяна одни развалины юрт и заброшенная, ветхая «казённая тропа». В Аяне ветхие дома, почти развалившиеся.

Рухнувшая Р.-А. К° увлекла при своём падении и благосостояние всего края на пространстве около 1000 вёрст (правда, с редким населением).

До сего времени осталась только транспортировка чайных грузов. Но на большей части пути она производится рейсирующими между Нельканом и Якутском пароходами, самая же трудная, губящая благосостояние населения, часть пути (через Джугджур) остаётся по-прежнему трудно проходимой.

¹ «Фрегат Паллада» И.А. Гончарова, т. II.

Надо надеяться, что проектируемый нелькан-аянский тракт, улучшив теперешнее сообщение между Нельканом и Аяном (через Джугджур), увеличит грузовое движение и даст тунгусам-оленеводам более лёгкий заработок, а примайским жителям возвратит хоть часть прежнего благосостояния; так как помимо пароходов (совершающих один рейс), есть возможность сплавливать грузы на лодках и «паузках». Транспортировка грузов будет подспорьем населению и привлечёт предприимчивых поселенцев, которым страна может предоставить и свои природные богатства: лес, рыбу, пушного зверя и ископаемые сокровища.

Результаты экспедиции.

- 1) Пройдено инструментальной съёмкой (угломер, нивелиры. мерная цепь с никетажем) 206 вёрст от Нелькана до Аяна.
- 2) Пройдено инструментальной съёмкой 87 вёрст от Аяна до Сагыннаха.
- 3) Барометрической съёмкой 8 вёрст от Аяна до Сибокчана.
- 4) Барометрической съёмкой 43 версты у Нелькана по Игнякянской дороге.
- 5) Обмерены (антропол.) тунгусы от Устьмайского до Нелькана (100 с лишком человек).
- 6) Сделаны фотографические снимки тунгусов, пейзажей и геологические снимки.
- 7) Записки по экономическому положению тунгусов от Устьмайского до Нелькана.
- 8) Геологическая коллекция от Устьмайского до Аяна и специальное исследование части Станового хребта в районе перевалов «Тюгюрмадабан» и «Буааелчан-дабан».
- 9) Коллекции цветковых и бесцветковых растений от Нелькана до Аяна.
- 10) Энтомологическая коллекция, шкурки птиц.
- 11) Сделано описание пещер на р. Мае «Абагы-Дже» — «Чёртово жилище», с фотографиями.
- 12) Метеорологические наблюдения в Олгондо и Аяне и подробный метеорологический дневник пути.
- 13) Составлена карта района Нелькан — Аян.

14) Произведена глазомерно-маршрутная съёмка р. Май, дающая возможность составить подробную карту р. Май от с. Устьмайского до Нелькана.

Предварительный очерк флоры и фауны Джугджура (Станового хребта) и его отрогов между Нельканом и Аяном¹.

Всё пространство между Нельканом и Аяном (первый в притоках р. Май притока р. Алдана, второй — порт на Охотском море) на протяжении 200 слишком вёрст заполнено Становым хребтом и его отрогами. Начинаясь далеко к юго-западу у Байкальского озера под названием Яблонового хребта, Становой хребет идёт в северо-восточном направлении к 55° с.ш., где более или менее круто сворачивает к востоку, и в направлении этой параллели приближается к Охотскому морю, чтобы следовать вместе с береговой линией на северо-восток под названием Джугджура. По линии между Нельканом и Аяном Джугджур подходит к морскому берегу на 60-70 вёрст. Высшая гряда его отстоит от Нелькана на 125-130 вёрст. От этой гряды в одну сторону до самого Нелькана постепенно понижаясь, доходят группы гор и хребтов, в другую — к Охотскому морю тип горной местности более приближается к главной гряде.

По узким долинам, стиснутым высокими хребтами, протекают многочисленные реки, питаемые обильною влагою с широких и крутых горных распадков. Весною, в большую воду, реки, разливаясь, затопляют долины, к лету же они значительно уменьшаются и некоторые из них представляют из себя едва журчащие ручьи, пробивающиеся по руслу, усеянному сплошь галькой.

Спадая с крутых склонов во время весенних разливов, река увлекает в своём течении массу камней, которые по пути перетирает в мелкую гальку и, перенося её с места на место, постепенно засоряет русло. В обход препятствий на своём пути вода ищет новое русло, с которым повторяется тот же процесс. Вместе с камнями весеннею водою сносятся в реку целые деревья с корнями и почвой, валежник и всякий мусор, который в виде огромных куч плавника образует по рекам целые плотины. Иногда большая вода смывает встречающиеся ей на пути препятствия, чаще же всего идёт по новому руслу.

¹ Якутская и Приморская области.

Таким образом долины рек завалены сплошь галькой и плавником — следы прежнего русла.

Часто можно встретить несколько русел, по которым едва сочатся узкие ручейки, вливаясь в нижнем течении в главное русло. Только в большую воду река течёт, наполняя все русла.

Зимой в сильные морозы лёд, покрывающий реки, лопается, вода выжимается из-под льда и, растекаясь по его поверхности, переходит на берега и мало-помалу растекается по долине, увеличивая в десятки раз настоящую ширину реки. Эти так называемые «наледы», «тарыны» покрывают землю, и лёд их, достигая 2-3 аршин толщины, медленно тает в течение лета, сильно увлажняет берега и даёт питание массе ручьёв. Некоторые «наледы» не успевают растаять за лето, как, например, наледь реки Мохоту (приток р. Челасина в 100 верстах от Нелькана) иногда остаётся до новой зимы. «Наледями» объясняется необыкновенная топкость речных берегов.

Джугджур является водоразделом рек, спадающих на северо-запад и юго-восток. Вода рек северо-западной стороны собирается в р. Маю, которая посредством Алдана изливает её в р. Лену. Реки юго-восточной стороны изливаются в Охотское море.

Первые реки более длинны и течение их медленнее рек юго-восточной стороны, более коротких и развивающихся в своём течении довольно большую скорость (8-12 вёрст в час).

Бассейн р. Май состоит из следующих рек, более или менее известных в этом крае:

1) Уй — левый приток её, впадает в 30 верстах от Нелькана. В него впадает р. Челасин, берущая начало из озера Челасина на Джугджуре. В р. Челасин впадает много мелких рек: Аимчán, Олгондó, Мохоту, Кынгычánг, несколько Маилов.

2) Игнякянь — левый приток Май, впадает в неё в 7-10 верстах ниже Нелькана, берет начало в 50 верстах от Нелькана в горах Маил-тэрдэ, служащих водоразделом рек Маилов и Игнякяня. В него впадает много рек, из которых можно упомянуть: Джукатли, Палатканд (2), три Варнака, два Алдыкана и др.

3) Ватанга — левый приток Май, впадает в 30 верстах ниже Нелькана. Одна из больших рек этой стороны Джугджура.

4) Маймакан и Аим — левые притоки Май — значительно больше предыдущих. Впадают они значительно ниже (70 и 300 в. от Нелькана).

С морской стороны Джугджура спадают реки:

1) Алдома — одна из больших рек. Берёт начало у вершины «Казённого» перевала через Джугджур. Впадает в Охотское море.

2) Танча́ — её левый приток; начинается у вершины перевала того же имени через Джугджур.

3) Молкучи — приток Танчи.

4) Два Кения — притоки Алдомы.

5) Нячанг — впадает в море.

6) Уй — берёт начало с Уйского хребта, изливается в море. Кроме того, много рек и ручьёв без имени.

Таким образом, местность между Нельканом и Аяном сплошь покрыта горами и сильно изрезана речными долинами. Порода, составляющая эти горы (преимущественно гранит), сильно выветрилась и совершенно разрушилась — последнее особенно относится к главной цепи гор — Джугджуру. Здесь почти нет целых выходов породы на дневной свет — горы представляют из себя кучи крупной и мелкой осыпи.

Полоса леса без перерыва переходит с левого берега реки Май на разбросанные около Нелькана невысокие горные хребты и, обрываясь на некоторых из них и на высоких склонах Джугджура, доходит до самого Охотского моря (Аян), оставляя некоторые древесные формы на нельканской стороне Джугджура с тем, чтобы на аянской стороне принять взамен их другие.

Пейзаж рассматриваемого района в большой степени обуславливается движением барометрического *minimum*'а и связанных с ним последствий. Считается установленным для данной местности — Якутской области и части Приморской, как лежащих на пути правильного движения атмосферного давления через Охотское море на океан, что летом *minimum* его перемещается из океана на материк, зимою обратно из материка в море. Вследствие этого летом ветры устремляются из моря в страну, зимою — обратно. Защищённостью места от влияния губительных ветров и обуславливается их большее или меньшее облесение. Этим же объясняется и странное на первый взгляд явление, которое часто приходится наблюдать на всём протяжении от Нелькана до Аяна: более высокие горы покрыты древесною растительностью в то время, как более низкие совершенно её лишены.

О силе здешних ветров можно судить по рассказам лиц, надёжность показаний которых не вызывает сомнения. В зимние месяцы возчики

чаёв — тунгусы — принуждены иногда по неделям «отсиживаться» внизу у подошвы Джугджура, так как страшная пурга делает невозможным подъём на перевалы людям и оленям.

Внешний вид растительности (о котором скажем ниже) свидетельствует о страшной борьбе, которую ей приходится выдерживать за обладание известным клочком земли. Нет сомнения, что ветер не единственный фактор, распределяющий растительность по данному району, но что ему принадлежит далеко не второстепенная роль, в этом убеждает даже поверхностное рассмотрение пейзажа.

Полоса лиственничной тайги, переходя с левого берега р. Май на горы около Нелькана, доходит почти до Охотского моря. На высоких сухих холмах лиственничный лес прерывается насаждениями сосны, чистыми, почти без подлеска. По сырым местам в лиственничную тайгу привходит в большом количестве ель, а также лиственные породы.

Таким образом преобладающею породой является лиственница («тит» як., «нánкта», «иряктá» тунг.). Начинаясь у самой воды в низких долинах, она следует густыми насаждениями на склоны гор в зависимости от их положения: на иных доходит до вершины, если они не высоки и защищены более высокими горами от ветров, на других покрывает только склоны их не выше половины или двух третей.

Ни состав почвы, ни её толщина, по-видимому, не играют роли в образовании лиственничных насаждений. Так, мы находим их по долинам с толстым слоем песка или перегноя, по склонам гор на тонких песчаных или глинистых почвах, среди голых каменных глыб осыпи, едва затянутых лишаями. Сильно извивающиеся корни её охватывают камни, проникая в щели между ними. Благодаря такой невзыскательности лиственница — самая распространённая здесь порода. По своей выносливости она уступает только кедровнику. Сообразно условиям, при которых приходится жить лиственнице, она принимает самые разнообразные формы. По внешнему виду её не всегда можно признать в высоком почти пирамидальном дереве, с правильно расположенными, почти супротивными сучьями, в раскидистом, с большою кроною, скорее похожем на сосну и, наконец, в низком почти кустарнике, с сильно изуродованными и стволом, и ветвями, скрученными во всевозможных плоскостях по отношению к главной оси ствола. Этому разнообразию внешних

форм лишайницы много способствует и так называемый длинноволосый лишай¹ («мас-тютюте» як., «древесный пух»), то светло-зелёный, то блестяще-чёрный, покрывающий ветви дерева густым толстым войлоком или свешивающийся вертикально вниз в виде длинной бороды.

На Джугджуре (перевал Танча), на его Охотской стороне, несколько ниже половины высоты этого склона в небольшом количестве (10-15) растут лишайничные деревья. Каждое из них имеет своеобразную форму. По линии сквозного ветра стороны деревьев, обращённые на NW, совершенно лишены сучьев, на их местах небольшие вздутия, желваки. На стороне же обратной (SO) сучья почти не изменённые. Вершина дерева откинута в SO сторону, куда вытянулись и сучья. На местах более или менее защищённых от сквозного ветра, но всё же подверженных сильному ветру, стволы сильно изогнуты и перекручены вокруг вертикальной оси. Сучья ствола и кроны хотя расположены обычно (нормально), но распластаны в горизонтальной плоскости. В самых неблагоприятных условиях, на сильном сквозняке или на толстом ковре вечно мокрого мха, лишайница не выше 1-2 аршин, ствол и сучья сильно перекручены и перепутаны, и всё дерево похоже на кустарник.

Встречаются экземпляры, почти распластанные по земле.

По высоким, открытым сквозному ветру склонам и вершинам гор лишайница уже не появляется.

На Нельканской стороне Джугджура по тому же перевалу (Танча) лишайница поднимается выше. Недалеко от седловины его есть небольшая рощица тоже из 10-15 лишайничных деревьев; они не выше 3-4 аршин, хотя и изуродованы, но в меньшей степени, чем только что нами указанные на Аянской (морской) стороне Джугджура. По-видимому, ветер, проносящийся над перевалом, разбивается о встречный NW от седловины и обходит этот уголок. Кругом этой рощицы, по всему NW склону нет деревьев. И до Джугджура и после его встречаются часто небольшие рощицы по склонам гор почти безлесных, большее или меньшее благоденствие этих рощиц обуславливается исключительно защитой их от жестоких ветров.

С перерывами по высоким открытым склонам лишайница от Нелькана доходит до Охотского моря, достигая пышного развития на невысоких плато, невысоких горных склонах, по распадкам гор. Начинаясь густыми насаждениями на низких местах, она постепенно поднимается

¹ *Usnea barbata*.

на склоны теми же густыми рядами и постепенно радеет к половине горы. Выше насаждения проникают в долины в виде длинных узких лопастей.

При благоприятных условиях лиственница развивает высокий, ровный ствол, равномерно утончающийся кверху в едва заметный вершинный стержень. Супротивные или почти супротивные сучья, часто как бы мутовчато расположенные, отходят во все стороны книзу и вверх, в виде дуг, обращённых выпуклостью книзу. Сучья начинаются значительно ниже половины ствола, но в большинстве случаев здесь скоро усыхают и обламываются, так что нормальным можно считать нахождение их на половине высоты ствола и даже выше. В густых насаждениях последнее встречается обычно.

Толстых стволов почти не встречается. Диаметр — в $\frac{3}{4}$ аршина, чаще не многим более полуаршина и очень часто 3-4 вершка. Крупные стволы попадают по опушкам лесов¹.

Чаща лиственничной тайги иногда настолько густа, что между отдельными деревьями пространство достигает не более $\frac{1}{4}$ - $\frac{1}{2}$ аршина. Особенно густ подлесок. Густые, длинные, тонкие жерди с мелкими ветвями почти не пропускают света.

Молодые деревья имеют гладкую, даже глянцевиую кору, которая с дальнейшим ростом растения снизу начинает шелушиться. Тонкие неправильной формы пластинки её в виде чешуи мало-помалу отделяются от ствола, обнаруживая карминово-красный глубже лежащий слой, и слегка закручиваются кверху. Растрескивание коры постепенно пробирается выше и выше, не достигая вершины ствола на аршин, много два, где кора остаётся и хотя не шелушится, но становится менее гладкой. В разных местах ствола появляются большие, иногда до аршина в диаметре, круглые волдыри, «выплавки». Они или торчат в сторону от ствола, или свешиваются книзу. (Из этих выплавок якуты и тунгусы выделывают чашки, трубки, черенки для ножей.)

Лиственница развивает большое количество так называемой «серы» — смолистое вещество, быстро твердеющее на воздухе. Иногда целые потоки её вытекают из пораненных мест ствола, в виде буровато-жёлтой массы. Туземцы употребляют её для заливки лодок, вместо смолы;

¹ Корневая система достигает громадного развития вширь и очень ничтожного вглубь, от чего часто встречаются опрокинутые бурей деревья с огромною корневой розеткой.

в жаркие дни жуют её, так как, по их мнению, она утоляет жажду. Зажжённая она горит, распространяя запах хорошего ладана.

Являясь самым распространённым деревом на всём пространстве между Нельканом и Аяном, лиственница служит материалом для постройки жилищ, лодок, идёт на всевозможные поделки. Лучшие луки выделываются из лиственницы. Для небольших поделок, где требуется особенная прочность, употребляется уродливая лиственница, изогнутые части которой отличаются необыкновенною твёрдостью. Юрты также строятся преимущественно из лиственницы; обделанная она имеет нежный, желтоватый цвет, и почти каждое бревно, усыхая, даёт продольную широкую трещину по всей длине. Иногда трещина обходит в один оборот всё бревно, не влияя, по-видимому, на его прочность.

Лиственница составляет основной фон древесных насаждений от Нелькана до Аяна. К этой основной, так сказать, породе примешиваются в большем или меньшем количестве остальные породы: ель, сосна и др.

После лиственницы ель («харья» як., «нанкта», «ачакта́» тунг.) является самым распространённым деревом. Самые большие насаждения, встречающиеся между Нельканом и Аяном, состоят из смеси лиственниц и елей.

Излюбленное место ели — низкие склоны гор, сырые их подошвы и влажные речные долины. Она избегает высоких холмов с сухими почвами, на горы почти не поднимается. На светло-зелёном фоне лиственниц ель всегда резко выделяется своею высокой тёмно-зелёною вершиной. Еловый лес — сырой и тёмный. Деревья растут настолько близко друг к другу, что в некоторых местах дневной свет почти не проникает к корням. Толстый слой сырого или даже мокрого мха покрывает почву, обволакивая сваленные ветром стволы, здесь они и сгнивают, увеличивая и без того толстый слой перегноя.

По стройности и мощности еловые деревья превосходят лиственницу. Форма сучьев, их расположение в горизонтальной и вертикальной плоскости ствола настолько различны, что трудно найти иногда десяток деревьев в одном и том же месте, похожих друг на друга. То сучья начинаются у самой земли и расходясь далеко в стороны от ствола и вниз, загибаются кверху, образуя дуги. Выше по стволу сучья постепенно укорачиваются, сохраняя прежнюю форму до самой вершины, увенчанной длинным стержнем с двумя веточками, обращёнными прямо вверх под небольшим углом к стержню. Также часто встречаются

огромной вышины деревья с очень короткими сучьями, расположенными горизонтально. Величина сучьев одинакова, и начинаясь чаще всего в верхней половине ствола, или даже ещё выше, не укорачиваясь доходят до его вершины. Этот тип чаще всего встречается в густых насаждениях. В местах неблагоприятных для своего произрастания ель принимает очень уродливые формы, ствол её на вершине лирообразно раздваивается, ветви сильно искривляются и всё дерево вскоре усыхает. Такие усохшие насаждения встречаются по мокрым, тундренным болотам.

Следуя почти всюду за лиственницей, ель в такой же, если не в большей степени страдает от длинноволосого лишая. Толстые, спутанные космы его покрывают ветви дерева, спускаясь книзу длинными светло-зелёными или чёрными бородами; длинные нити его, переплетаясь между собою, сеткой охватывают ствол дерева. Оно мало-помалу усыхает, вместе с ним отмирает и лишай, превращаясь в сбившийся войлок чёрных блестящих волос. Встречаются целые леса лиственниц и елей, сплошь покрытые этим лишаем. Иногда видны только обнажённые от сучьев высокие мачты еловых деревьев стального-серого цвета, внизу навалена куча сучьев, уже истлевших, в клочках чёрного войлока.

Отдельные сплошные насаждения ели встречаются редко. Чаще смешанные леса ели и лиственницы, по густоте своей почти непроходимые. Этому способствует молодятник-подлесок из тех же пород. На высоких горах или склонах, открытых действию ветра, ель вскоре покидает свою спутницу, оставаясь далеко внизу.

На пространстве от Джугджура до Охотского моря ель постепенно вытесняется пихтой, места расселения которой совпадают с теми же у ели.

Есть основание думать, что пихта («нгóкла» тунг.) обладает большей выносливостью и способностью большего приспособления к трудным условиям существования. Так, около Аяна, на северо-восток от него, на обрыве, обращённом в открытое море как раз на пути сурового норд-оста, растёт несколько пихт. Они не выше 1½-2 арш. Стороны их, обращённые к ветру, совершенно лишены ветвей, на обратной же стороне длинные ветви вытянулись далеко по земле. Длина их превышает раза в полтора высоту ствола. Отходя от ствола в юго-западную сторону, они опускаются почти сразу к земле, где прячутся в высокой траве, вместе с

которую и спасаются от сурового ветра. Вершина дерева чаще всего сломана, а если и осталась, то отогнута на SW почти под прямым углом к стволу. Дальше от обрыва местность понижается к Аяну, и деревья принимают более нормальный вид, хотя большой высоты и не достигают. На линии Аяна по склону горы попадаются уже большие деревья.

Пихта, наравне с лиственницей и елью, идёт на постройку жилищ. Были попытки вывозить её и на рынки (во Владивосток).

В меньшем количестве распространена здесь сосна («бесь» як., «джагда», «туна», тунг.) Сосна чаще других деревьев, или почти исключительно, образует отдельные насаждения. В виде исключения, встречается спорадически среди других древесных насаждений. Излюбленное место её — высокие песчаные почвы на холмах или склонах гор. В низины совсем не заходит. Высокие деревья с бледно-жёлтой корой в верхней трети, книзу тёмно-серой, грубо растрескавшейся. Сосновые леса очень чистые, светлые, большой тени не дают. Подлеска почти нет, если не считать редко попадающихся кустарников ёрника, кедровника. Стволы не толстые, не многим более $\frac{1}{2}$ аршина, ровные, с могучими изогнутыми ветвями и пышной кроной. Часто встречается даже, по-видимому, на здоровых деревьях, что верхушка их вдруг очень заметно утончается и отгибается почти в горизонтальной плоскости, перпендикулярно к стволу, или же сильно извивается и отклоняется почти прямо книзу. Волосистый лишай на сосну почти не нападает, во всяком случае вреда ей не причиняет.

Сосна доходить до Джугджура, начинаясь у самого Нелькана. На морскую сторону Джугджура не заходит, по крайней мере по линии Нелькан — Аян. Тунгусы, впрочем, упоминали о единичных экземплярах этого дерева в одной из долин, но нам не пришлось его встретить.

В начале августа на одном и том же дереве можно было-встретить три типа шишек: старые, уже высыпавшиеся; тёмно-зелёные конусообразные, и округлые едва завязавшиеся — самые поздние.

В гораздо меньшем количестве встречается берёза резко различных двух видов. От Нелькана до Джугджура растёт белая берёза («хатынн» як., «чалбан» тунг.) с белой берестой матового цвета, с толстым слоем красящего вещества, отчего деревья кажутся как бы искусственно покрытыми белой глиной. Мало-помалу исчезая незадолго перед Джугджуrom, белая берёза появляется в долине аянской стороны Джугджура, где вскоре заменяется жёлтой берёзой (В. Ermani), по-тунгусски

«джибагда́». Ствол её кофейно-молочного цвета с тонкой берестой. Форма дерева мало напоминает берёзу. Округлый ствол усажен в беспорядке такими же округлыми, коленчатыми ветвями, сильно узловатыми. Раскидистая крона сильно напоминает нашу яблоню, как и отходящие от ствола коленчатые ветви.

Насаждения этой берёзы невелики, во всяком случае по числу экземпляров уступают белой берёзе нельканской стороны. Жёлтая берёза менее прихотлива, и в то время как белая растёт на толстых хороших почвах, жёлтая с успехом вырастает среди почти обнажённых камней, у воды и на высоких склонах каменной осыпи Джугджура. Встречаясь в небольшом количестве среди лесов, она почти не играет роли в пейзаже, только около Аяна и в самом Аяне появляется в большом количестве, почти сплошь покрывая склоны гор. В высоте, стройности и некотором изяществе жёлтая берёза уступает белой.

В хозяйстве тунгусов и якутов особенно ценится белая берёза, как самое крепкое дерево. Из неё выделывают полозья для нарт, топорщица и др. Особенно ценится она за крепкую и толстую бересту, из которой выделываются почти все хозяйственные принадлежности и домашняя утварь: чашки, вёдра, кадки очень больших размеров для хранения молочных продуктов. У приаянских тунгусов можно всегда найти запасы бересты, которые они делают во время поездок по ту сторону Джугджура. Жёлтая берёза совсем не даёт бересты.

Несколько в большем количестве встречается тополь («тирях» як., «сирикта» тунг.) Растёт преимущественно по сырым берегам и островам, где достигает огромной толщины и высоты. Растёт с одинаковым успехом по долинам обеих сторон Джугджура. Тополь — главный материал, из которого состоит плавник, так как реки иногда смывают целые его рощи. В хозяйстве туземцев большой роли он не играет. Кора его, очень толстая, подмешивается в крепкий табак для запаха или для смягчения его крепости.

Ещё реже встречается осина («тятинг» як., «хул» тунг.) тоже по долинам рек, но иногда взбирается и на сухие склоны гор и холмы. Больших насаждений не образует, уступая тополю и в толщине ствола и в вышине. Ствол и сучья покрываются часто белым, легко стирающимся налётом, в интенсивности не уступающим берёзе.

Берега рек и острова — излюбленные места тополя и осины, которые вместе с очень распространёнными здесь ивами сопровождают реку до

самого устья, следуя за её малейшими изгибами. Некоторые экземпляры ивы не уступают в величине тополю. Растёт ива по сырым грязным берегам и островам, заливаемым весенним разливом, которым часто смывается вместе с почвой и уносится далеко вниз по течению. В плавнике в большом количестве попадают стволы этих деревьев. Ветви и стволы ив покрыты клочками травы, перепутанной с сухими листьями и всяким сором, который весенняя вода проносит по рощам этих деревьев.

Перечисленными до сих пор древесными породами исчерпываются крупные представители лесных насаждений рассматриваемого района.

Переходя затем к подлеску здешних лесов, прежде всего надо упомянуть о тальнике («таллак» як., «сиекта» тунг.). Это самое распространённое растение по всему району от Нелькана до Аяна. Излюбленное место его — сырые, даже мокрые низины, никогда не просыхающие берега. Иногда он взбирается и на сухие склоны, но охотнее держится сырых низменных опушек.

Иногда он вырастает в дерево, с ясно расчленёнными стволом и ветвями, чаще же всего из-под земли торчат во все стороны длинные ветви. Селясь главным образом по сырым низинам, он часто заходит в воду и во время долгого стояния воды растёт с таким же успехом и в воде. Насаждения очень густы и сплошной полосой тянутся по берегам рек. Зимой сизоватые, сильно разросшиеся ветви его производят на тёмном фоне елового леса полную иллюзию стелющегося дыма.

В хозяйстве туземцев тальник играет немаловажную роль. Из него плетут принадлежности для ловли рыбы, гнут домашнюю мебель в виде небольших скамеек, выделывают мундштуки для трубок; дерут его на мочалу, которая в домашнем обиходе заменяет салфетки и тряпки. Молодыми побегами кормят скот, особенно в плохие годы.

Если тальник имеет свои излюбленные места для поселения, держась преимущественно низких сырых берегов, избегая высоких гор, то кедровник, по-видимому, безразлично относится к условиям местности и климата. Начинаясь у Нелькана, он почти без перерыва даже на гольцах Джугджура доходит до Охотского моря.

Его справедливо называют кедровым стланцем, так как обычная форма его — сильно наклонённые к земле или же совершенно распланные по ней стволы. Толщина их очень разнообразна, и колеблется от одного до 4 вершков. С одинаковым успехом он растёт и на толстых

почвах елового леса, и на сухих, тонких в сосновом лесу, у берегов рек и на вершинах высоких гор среди камней осыпи, на защищённых склонах и на совершенно открытых суровому ветру гольцах, то вытягивая свои стволы далеко на десятки футов вдоль по направлению ветра, то спуская их с крутизны вниз на такую же длину. Стволы его то сплошь усажены ветвями, то совершенно голые, почти кольцами извитые, и только на конце несут небольшой пучок коротких ветвей, едва приподнятых над землёй.

При более или менее благоприятных условиях стволы в виде радиусов расходятся во все стороны от корня, и под небольшим углом наклонены к земле. Зимой, под тяжестью снега, он пригибается вплотную к земле и совершенно исчезает под снегом. Вместе с таянием снегов он поднимается, быстро отряхивая огромные кучи снега.

Лес даже с небольшим количеством кедрового стланца непроходим, так как широко раскинувшиеся стволы стланца заполняют промежутки между деревьями. Крепкая древесина его почти не поддаётся топору.

Кедровник даёт небольшие шишки с мелкими орешками, составляющими пищу медведей, белок, мышей. В августе (в начале) на одном и том же кустарнике найдены шишки двух степеней зрелости, но готовых орешков в обеих шишках не было.

Кедровник идёт исключительно на топливо, особенно в окрестностях Аяна.

Остальные представители подлеска здешних лесов не имеют такого распространения и роль их в пейзаже данного района малозаметна. Ёрник встречается часто в виде невысоких $1\frac{1}{2}$ -2 аршин кустарников с расходящимися вверх от корня стеблями. Растёт как по сухим и сырым лесам, так и на топкой тундре. Густота его в большой степени способствует непроходимости тайги. Встречается на всём пути от Нелькана до Аяна.

Можжевельник («кытыен» як., «эпопкин» тунг.) в виде невысоких ($\frac{3}{4}$ -1 аршин), сильно покрученных, уродливых кустов встречается по опушкам леса, или же в редких сосновых и лиственничных лесах. Любит свет и избегает сырых мест. В суровых условиях распластывается по земле и сильно извивается. По количеству отдельных особей уступает ёрнику, но не отстаёт от него до самого Аяна. Взбирается на высокие склоны гор.

Об ольхе мы будем говорить здесь, потому что хотя она иногда и развивается в большие деревья, но в гораздо большем количестве встречается в виде высокого кустарника — подлеска лиственничного леса. Чаще встречается по опушкам тенистого леса, иногда в виде густых зарослей по сырым местам. Величины больших деревьев достигает по берегам рек. Растёт по обеим сторонам Джугджура. На аянской стороне Джугджура встречается в камнях кустарник, несколько отличный от обыкновенного ольховника. Тунгусы называют его «дукта», (*Alnus glutinosa?*); он имеет светло-коричневую кору, шишками не отличается от обыкновенного. На вершине перевала (Танча) найден распластаный по земле, с сильно завитыми ветвями, кустарник ольхи не более $\frac{3}{4}$ аршина длины. От корня растение распластано в S сторону и едва заметно среди лишая. На пространстве всей седловины перевала это было единственное растение.

По лесам обеих сторон Джугджура встречается низкорослая рябина, в редких случаях достигающая 3-4 аршина вышины, более часто $1\frac{1}{2}$ -2 аршин. Ютится преимущественно по сырым лесам; около Аяна встречается целыми зарослями. Изредка попадает черёмуха («черемка» як., «иннекта» тунг.) достигая большой вышины (4-5 аршин.) и толщины стволов; растёт тоже по тенистым лиственничным лесам.

По берегам рек, особенно по закрытым распадкам, в тени деревьев, в большом количестве растёт чёрная и красная смородина¹, с крупными (с лесной орех) вкусными ягодами.

Если прибавить ко всем перечисленным до сих пор представителям подлеска высокие кустарники шиповника, встречающегося иногда целыми плантациями и высокий кустарник «сорочьего глаза», то этим будет исчерпана флора этого типа здешних лесов. Остальные кустарники, встречаясь почти спорадически, не играют заметной роли в пейзаже рассматриваемого района. Например, бузина, встреченная нами в виде отдельных экземпляров по лесам до и после Джугджура, имеет в вышину не более $1\frac{1}{2}$ аршин. С большим успехом она растёт на открытых местах, около жилья (например, в Нелькане), где достигает 2-3 аршин вышины (*Samb. racemosa*). Боярышник², особенно бросающийся в глаза осенью, когда его листья принимают кроваво-красный цвет, селится по опушкам леса.

¹ Смородина чёрная — «монегон» як., «тюрут» тунг; красная — «каптагас» як., «игилите» тунг.

² *Crataegus sanguinea* P.

Спускаясь ещё ниже, к кустарникам, растущим у самой почвы, мы встречаем ягодные растения. Голубица, брусника и толокнянка самые распространённые растения на всём пространстве от Нелькана до Аяна. Голубица («сугун» як., «дикте» тунг.¹) растёт иногда сплошными плантациями на сотни сажен. Любит открытые места, заходит в редкие леса. Плод её достигает величины лесного ореха, приятного кисло-сладкого вкуса. Любимое кушанье медведей и тетеревов.

Брусника («улах-отон» як., «имукте» тунг.²) встречается реже. Держится опушек леса и корней деревьев. Твёрдые листья её туземцы употребляют как лекарство от многих болезней.

Толокнянка («умохтах-отон» як.³) селится на совершенно открытых полянах большим округлым ковром переплетённых между собою ветвей. Смена листьев брусники и толокнянки происходит не вдруг, и не в один сезон. Так приходилось наблюдать, что после зимы бурые листья прошлого года заметно бледнели, и медленно приобретали зелёный цвет. То же относится и к голубице, хотя некоторые её экземпляры к зиме теряли листья.

По опушкам лесов, около кустарников кедровника часто встречается стелющееся по земле растение «шикша» с деревянистым стволом, усаженным гребенчато листьями, похожими на хвою. На конце стебля на длинной ножке оно несёт по крупной ягоде, сначала красной, потом чернеющей. Поднимается вместе с багульником высоко на горы, где располагается около кедрового стланца, в его тени.

Что касается багульника, то в смысле выносливости и вертикального его распространения придётся повторить то же, что было сказано о кедровом стланце, неразлучным спутником которого он является. Достигая в тенистых лесах и на опушках $\frac{3}{4}$ -1 аршин, развивая крупные ланцетовидные листья, он, по мере подъёма на горы, уменьшается в величине, достигая местами не более $\frac{1}{4}$ аршина вышины, и лист его значительно мельчает. Чаще всего встречается зарослями на пространстве десятка сажен. Во время цветения в местах, недоступных ветру, воздух наполнен приторным ароматом этого растения.

¹ *Vaccinium uliginosum* L.

² *Vaccinium vitis-idaea* L.

³ *Arctostaphylos uva-ursi* S.

Начав с крупных представителей местной флоры — деревьев, мы постепенно спустились по вертикальной линии, через подлесок и ягодные кустарники к самой почве.

Теперь, оставив в стороне травяной покров цветковых растений¹, перейдём к мхам и лишаям.

Мхи и лишай играют большую роль в пейзаже рассматриваемого нами района, не говоря о громадном их значении для местного населения в качестве фактора, более или менее распределяющего население по всему пространству от Нелькана до Аяна. Лишай — почти единственный корм для оленей, в которых всё благосостояние туземцев.

Мхами изобилуют долины речек и особенно берега их. Наполняясь водою во время таяния снегов, они выходят из берегов, разливаясь по долинам на далёкие расстояния. Реки спадают быстро, но влага ещё долго удерживается на берегах, отчасти в небольших углублениях почвы и в густых зарослях ивняка, которым почти всегда покрыты долины рек. Но не вода весеннего разлива питает главным образом мхи. Наледи являются более надёжным источником питания, благодаря очень медленному таянию. О происхождения наледей было сказано выше. Лёд их, заполняя в десятки раз больше пространства, нежели речное русло, иногда держится до половины лета. Весною вода устремляется с гор, растопляет лёд по руслу реки, который вскоре ломается, и река более или менее очищается ото льда, по берегам же лёд тает только под влиянием солнца и таким образом постоянно увлажняет почву берегов. Ковёр мха в таких местах достигает $\frac{1}{2}$ - $\frac{3}{4}$ аршина толщины. Местами речные берега становятся непроходимыми, благодаря топким торфяникам. Слой мха обволакивает камни, огромные брёвна, затягивает глубокие ямы. Путешествие по таким местам сопряжено с опасностью для людей и лошадей. Сильно разрастаясь, моховой ковёр постепенно продвигается с берегов к руслу реки, постепенно его затягивая. Вода мало-помалу наносит песка, ила, который попадая на мох, удерживается там и образует слой почвы, на котором в дальнейшем уже могут укрепляться растения. Русло мало-помалу суживается. Около Нелькана по притокам реки Игнякяня можно видеть сравнительно широкие речные долины, сплошь покрытые мхом, на которых местами уже образовались большие рощицы деревьев и кустарника. Если снять неглубокий

¹ Подробное описание может быть сделано только после определения собранных нами коллекций.

слой почвы, то под ним можно найти ту же гальку, которая образует и дно теперешней реки.

Только многоводные, быстро текущие реки, с большим уклоном русла, в состоянии бороться с мхом. Развивая большую скорость (8-12 вёрст в час), они смывают иногда и камни, на которых укрепляются мхи и лишай. Это относится к рекам около Джугджура, в их истоках.

Обильно разрастающийся моховой покров, поддерживаемый влагой медленно тающих наледей, в свою очередь способствует задержанию влаги и образованию больших заводей, никогда не просыхающих и превращающихся в топкие, непроходимые болота тундры.

Таково, по-видимому, и происхождение Маильской тундры (в 50-60 верстах от Нелькана). Она сплошь покрыта высокими моховыми кочками, на которых растёт осока, тальники, ёрники; между кочками глубокие ямы, наполненные водою и затянутые мхом. Передвижение по ней сопряжено с большою опасностью для жизни.

Усыхая, тундра покрывается толстым слоем торфа, волнообразно расходящегося по всем направлениям. Толщина его доходит до полутора — двух аршин. Местами слой разрывается, образуя глубокие трещины, сквозь которые виднеется крупная речная галька.

Широко распространяясь по речным долинам, моховой ковёр взбирается высоко на горы. Здесь, задерживая воду тающего снега, он вызывает странное на первый взгляд явление: места, выше лежащие на склонах гор, сильно увлажнены или даже мокры, в то время, как ниже лежащие, в более ровной плоскости, сухи.

Иногда эти участки мха дают начало едва журчащим ручейкам. Благодаря этому, на высоких склонах гор, даже в жаркое лето при сильных ветрах, можно встретить небольшие оазисы воды. Седловины перевалов Джугджура, открытые ветрам, очень долго не просыхают.

В долинах роль мха сводится к загрязнению русел, сужению и совершенному уничтожению их. На горах он приносит большую пользу, питая растительный покров своею влагой. Если реки ещё сопротивляются захвату их мхом быстротой течения, то озёра в этом отношении беззащитны. Окружая их по берегу кольцом и суживая постепенно это кольцо, мох затягивает окончательно озёра, превращая их сначала в топь, а потом в торфяник. Таких озёр много в окрестностях Нелькана и около Джугджура, по тенистым лесам, где моховой ковёр достигает огромного развития.

До сих пор мы говорили о политриховых мхах. Переходя к лишаям, надо сказать, что Джугджур и его предгорья являются колыбелью этого рода растительных форм. Хребет его по линии между Нельканом и Аяном состоит сплошь из осыпи. Целых выходов породы на дневную поверхность почти не встречается, за очень немногими исключениями. Горы с низу до верху представляют из себя огромные кучи щебня, крупные глыбы которого свалились к подножью, более мелкие расположились выше по склонам до самой вершины. Порода растрескалась на неправильной формы куски камня, между которыми получились большие пустоты. Открытые влиянию губительных ветров, горы почти лишены растительности (древесной); только на более или менее запущенных склонах, где образовался хотя небольшой слой почвы, укрепляются небольшие уродливые лиственницы и кустарники кедрового стланца. Лишай, поселяясь на глыбах камня, благополучно выдерживая суровый натиск ветра, мало-помалу разрастаются, обволакивают камни, заходят в щели и пустоты между камней, малу-помалу заполняют или затягивают их. Пыль, приносимая ветром с более высоких склонов, удерживается лишаями, которые, отмирая, образуют первичный субстрат, на котором уже могут задержаться семена растений, заносимые сюда ветром или птицами. Впрочем, надо думать, что поселению лишая предшествуют плесени, которые, поселяясь на камнях, делают его поверхность более шероховатой и способной принять семена (споры) лишая. Как бы то ни было, но при более или менее внимательном осмотре камней осыпи, на которых уже укрепились растения, можно убедиться в громадной роли лишая, как образователей субстрата для принятия семян растений.

Если принять во внимание, что на распространение лишая не влияет высота места и суровые климатические условия, то можно-представить, что в дальнейшем высокие области Джугджура покроются растительностью по крайней мере до естественного предела, чего в настоящее время нет. Таким образом, основываясь на данных, которые добыты путём осмотра, можно сказать, что облесением своим Джугджур в большой мере обязан лишаям. Не подлежит сомнению и роль лишая, как разрушителя горных пород, способствующего уравниванию осыпи и измельчению её.

Джугджур, по крайней мере, на Танчинском перевале, а также его предгорья обязаны своим тёмно-зелёным цветом всецело лишая, иногда сплошь покрывающему камни тёмно-зелёными пятнами. Издали горы кажутся покрытыми снизу доверху зелёною муравой, и только вблизи можно убедиться в истинной причине такого цвета.

В ясный солнечный день тёмно-зелёные горы Джугджура пестрят всевозможными цветами. То протягиваются длинные седовато-зелёные полосы, то совершенно жёлтые, то ослепительно белые. Особенно красивы участки, покрытые оленьим «мохом» («лабыкта»), издали они похожи на взбитую пену. Внешний вид лишаяев так же разнообразен, как и их окраска: то он имеет вид молочно-белых игл (полых внутри), то очень тонко гофрированных полосок, то золотистых, нежно вырезанных, сильно извитых пластинок, то светло-зелёной губчатой массы, пронизанной очень тонкими, извилистыми трубками, то, наконец, карминово-красных ленточек. Все эти цветные участки располагаются по склонам гор, придавая им необычайную пестроту.

Ковры лишая самого разнообразного цвета тянутся на десятки и сотни сажен, доставляя обильный корм для оленей; лучшим кормом для них считается «лабыкта»¹ — «олений мох». Остальные виды идут в пищу горным баранам, которые живут на высоких гольцах Джугджура.

В долинах бичом растительности (лиственницы и ели) является наряду с другими и длинноволосый лишай, о котором уже упоминалось.

Наряду с настоящими мхами и лишаями, громадного развития и большого распространения достигают печёночные мхи. В большом количестве встречаясь по сырым тенистым лесам, достигая размеров ладони взрослого человека, иногда они занимают площади в десятки, сотни кв. аршин, взбираясь на тлеющие деревья, голые камни и в заброшенные строения.

В тени леса достигают большого развития и хвощи; некоторые виды их считаются лучшим кормом для всякого скота. У туземцев самый питательный хвощ известен под именем «бору». По открытым топким болотам растёт хвощ — «гусятник» — любимый корм гусей, достигая 1-2 аршин вышины (*Equisetum arvense*).

Папоротники чаще встречаются на морской стороне Джугджура по сырым тенистым лесам, в большом количестве в окрестностях Аяна. В

¹ *Cladonia rangiferina*.

камнях растёт душистый папоротник. Несколько видов плауна доходят от Нелькана до Аяна, обрываясь на склонах гор.

Весна¹ в районе от Нелькана до Джугджура началась во второй половине апреля, когда снег стал более или менее заметно таять. К концу месяца на склонах гор, обращённых к солнцу, впервые появились прогалины. В первых числах мая снег сошёл. Земля просыхала довольно медленно вследствие толстого слоя мха, а также и выпадавших почти до конца мая дождей и снега. К середине мая совершенно просохли возвышенные плато и пригорки.

Реки начали вскрываться к концу апреля. 22 числа на реке Челасине (90 вёрст от Нелькана) пошла верховая вода, в то же время водою покрылся и лёд р. Аймчана. К 27-28 апреля реки уже очистились ото льда. Растительный покров зазеленел к первой половине мая, хотя до конца месяца ночной минимум спускался ниже нуля, при дневной температуре 10...15° С.

29 апреля показались первые анемоны, когда в лесу ещё лежал снежный покров. К 15-20 числам мая распустилась лиственница, и лес стал заметно зелёным.

Ближе к Джугджуру снег задерживался до начала июня по тенистым лесам, глубоким горным распадкам и закрытым склонам гор. У вершины перевала Танча снег в глубоком распадке доходил до 3-4 аршин. На «Казённом» перевале в конце лета, 22 июля, ещё оставалась около седловины широкая (саженей в 10) и длинная (20-30 саженей) полоса снега, очень плотно слежавшегося. Первые заморозки в Нелькане бывают в среднем около 1 августа, первый снег выпадает в конце сентября². На Джугджуре (по Танчинскому перевалу) первый снег выпадает в начале октября, но скоро стаивает; зима устанавливается к 15 октября.

Быстро вслед за таянием снежного покрова или даже ещё раньше пробуждается животный мир. Первых бабочек и пауков уже можно было находить на снегу. Около 20 апреля, когда снег уже значительно подтаял, появились на снегу прыгающие чёрные жучки в таком количестве, что снег местами казался чёрным. По мнению тунгусов, этот жучок (тунгусы называют его «червём») является верным провозвестником

¹ 1903 года.

² В 1903 г. произведён посев хлебов, результаты получились прекрасные. Это первый опыт после долгого перерыва.

весны. Ими замечено, что после появления этого жучка зима уже не возобновляется. Тунгусы, якуты называют его «хар-иён» — яд снега. Первые утки появились ещё 9 апреля около полыньи на реке Мае (против Нелькана) — это была пара гоголей.

В первых числах апреля просыпается медведь и одновременно с ним бурундук. Первое время бурундук держится очень тихо; застигнутый врасплох, он старается бесшумно убраться в укромное место — совершенно противоположно тому, как ведёт себя летом, когда при малейшем шорохе он издаёт сильный писк, и с писком же взбирается на деревья.

В 20 числах апреля пронеслись впервые два гуся над рекой.

Лес мало-помалу оживает, слышится щебетанье немногочисленных птишек. Часто на дорогу вылетает кукша («кукакы» як.) и «горная ворона» («тас-турáх» як.) — кедровка¹ быстрым пронзительным карканьем оглашает безмолвную тайгу. Держится кедровка вершин деревьев и при малейшем шуме подлетает узнать о причине его. Кукша держится тише, но очень назойлива и часто посещает лагерь, обшаривая сумы и ящики. Спугнутая, улетает недалеко, чтобы снова возвратиться на поиски.

Чаще всего слышится писк чечётки («чарос» як.) и синицы, которые тщательно обшаривают стволы деревьев и их ветви.

24 апреля в тальниках на нестаявшем ещё снегу появился дрозд («чэкчёнгнор» як.).

Самой распространённой птицей в районе Нелькан — Аян бесспорно следует признать рябчика («бочуграс» як.), глухаря («улар» як.) и куропатку («куропáшка» як.). Без перерыва они следуют до Аяна, и круглый год живут в тайге.

Рябчик держится преимущественно по обрывистым берегам рек, по еловым лесам. Перелетая с ветки на ветку, издаёт громкий продолжительный свист; спугнутый, издаёт ряд быстрочередующихся друг за другом звуков «пит-пит». 10 июня появились большие птенцы его жёлто-коричневого цвета (около 10 штук).

Тетерева на высокие горы не поднимаются. Куропатка (*Lagopus mutus*, Mont.) в большом количестве водится на Джугджуре. 6 июня на морской его стороне найдено гнездо с 7 насиженными яйцами (кофейного цвета в неровных тёмно-коричневых пятнах, покрывающих всё

¹ *Nucifraga caryocatactes* L.

яйцо, кроме носовой его части). Яйца настолько гармонируют окраской с окружающими их камнями, что, даже стоя близко у гнезда, легко их проглядеть. Гнездо расположено почти на открытом месте в камнях; над гнездом только ветка кедровника. В небольшой ямке уложено несколько хвой кедровника, три-четыре веточки лишая и столько же перьев.

Куропатка (убита 4 июня) в пятнах золотистого и чёрного цвета. Изредка желтоватые концы перьев переходят в белый цвет. Углы крыльев белые, маховые — белые. Внутренняя сторона крыльев белая. Хвост чёрный.

На фоне камней осыпи Джугджура куропатку легко не заметить. Спугнутая, она садится довольно близко и сразу исчезает из виду в таких же, как она, пёстрых камнях осыпи. Часто по лесу слышится писк снегирей («уллук» як.) и клёстов («ымь» як.).

12 мая появились трясогузки («сылгы» и «ынах-чичаагá» — конская и коровья птичка) одна светло-жёлтой, другая тёмно-серой окраски.

23 мая закуковала кукушка («кягí» як., «куку», «какучан» по-тунгусски).

В окрестностях Нелькана водится чёрная ворона («турах» як.) и ворон («суор»); далеко вглубь тайги ворона не заходит, держится около жилья. В большом количестве встречаются дятлы: чёрный («тонсогой» як.) и пёстрый («тинг-сан-бянх» як. — беличья доха).

По обеим сторонам Джугджура встречается, кроме горлицы, очень похожая на неё птица, издающая очень громкий писк, похожий на крик удода «у-у»¹. Тунгусы называют её «ту-ту» (звукоподражательно). Птица очень осторожная, и близко не подпускает. Громкое эхо разносит уканье её по лесам. Держится птица по высоким деревьям.

20 июня на охотской стороне Джугджура высоко над землёй пронеслось стадо больших чёрных стрижей.

Всю дорогу по берегам рек и озёр снимаются утки и гуси.

В долинах нельканской стороны Джугджура по рекам и озёрам водится много уток. Из них нам удалось достать: 1) турпана 30/V, («анды» як., *Fuligula fusca* L.) около Джугджура, 2) чернеть хохлатую («умсах» як., *Fuligula cristata* Leach.) на р. Челасине, 3) каменушка (*Fuligula histrionica* L.) там же 11/V, 4) «халба» як., *Ansasa clupeata* Bris., там же 17/V, 5) поганка (*Podiceps auritus* «тотыкай» тунг., «туотаы», як., там же 19/V, 6)

¹ Звук «у» повторяется только два раза.

чайка («хопто» як., *Larus cachinans* Pall.), там же, 7) мородушка («мороду» як.) 11/V, 8) свиязь («ты́эх»), там же, 9) гагара («куангáс» як.), там же 17/V, 10) острохвост («монёгон» як.), 17/V, несколько куликов («чек-чена» як.).

Многие из этих птиц залетают сюда из Охотского моря 1), но каких путей держатся при пролётах, установить не удалось за краткостью времени. Есть основание предполагать, что часть их держится р. Алдомы (впадающей в Охотское море), в половине длины которой они сворачивают по более низким перевалам и попадают в долину реки Ватанги, истоки которой подходят близко к Алдоме в этом месте. По Ватанге утки летят до реки Май, откуда, поднимаясь вверх по Мае, доходят до Нелькана и речек Джугджура. Известно также, что много уток летит с верховьев Маймакана (приток р. Май). Маймакан берёт начало недалеко от истоков Ватанги. Перевалы в этом месте Джугджура более низки. Быть может, что, перевалив Джугджур в этом месте, утки разбиваются по двум путям: одни летят к устьям рек Ватанги и Маймакана, другие держатся рек и озёр у Джугджура, попадая в р. Маю в её верховьях.

Из хищных встречаются орлы («тоён» як., «кирянг» тунг.). Держатся высоких гольцов, почти неприступных. Доходят от Нелькана до Аяна. В большом количестве водятся совы. Далеко не многие туземцы различают хищных, и потому к определениям их приходится относиться осторожно. Часто одним и тем же именем назывались орлы и большие совы. Я приведу названия, которые часто упоминались туземцами и якутами.

1) «Хар-эбэ», як. снежная старуха, (*Strix neutea*, латинск. названия по Серошевскому («Якуты», стр. 123).

2) «Мякчергя» як., *Strix funerea* ibid, встречаются на Джугджуре, как и предыдущая.

1) Халба, каменушка, сиязь, острохвост, чернеть.

3) «Балыксыйт», як. (поедающий рыбу), *Pandion haliaetos* ibid, встречается в окрестности Аяна.

4) «Кутуяхсыт» (поедающий мышей). *Circus cyaneus*. Около Аяна.

5) «Кырт» *Falco peregrinus*, около Нелькана.

6) «Бороло» (он же «боролдо»?) орёл с белыми плечами, водится около Аяна.

7) «Куобахсыт», як. (поедающий зайцев), сова.

9) «Эле» як., коршун, в большом количестве около Нелькана.

Только что сошёл снег, уже появились ящерицы («тыи мь́т» як., «игёля» тунг.), первый экземпляр найден в первых числах мая (в 30 верстах от Джугджуре). По виду очень похожая на нашу *Lac. agilis* с ярко-жёлтым брюшком. Встречается довольно редко по тонким болотам или сырým рощам. Туземцы очень хорошо её знают и боятся её не меньше, чем русские гадюки. На Джугджуре, по их словам, она не встречается; около Аяна появляется вновь¹.

Ближе к Нелькану встречается другой вид тёмно-коричневого цвета, с сероватым брюшком. Оба вида не превышают полутора вершка. Движения медленны и вялы. Летом ящерица двигается быстрее, но значительно уступает в этом отношении русским формам.

Из грызунов чаще всего встречается белка («улюкю́» тунг., «тинг» як.) почти чёрного цвета, с белым большим пятном на брюхе и пушистым хвостом. От Нелькана доходит до Аяна, где значительно уменьшается в числе.

Тунгусы рассказывают, что белка «вьёт» гнёзда на деревьях, выстилает их волосистым лишаем. Гнездо в виде шара из прутьев. Таких гнёзд нам не приходилось видеть. По рассказам тунгуса, которому можно безусловно доверять (В. Карамзин), белка на зиму запасает шляпочные грибы, накалывая их на сучья деревьев. Такие запасы часто встречались на пути. Тунгусы заметили, что если грибы наколоты низко над землёй, то зима будет малоснежная, если же зима обещает глубокие снега, то запасы грибов белка помещает у самой вершины дерева.

В большем количестве водится бурундук («мохотóй» як., «улькичáн» тунг.). Логовище его помещается в истлевших старых пнях, на уровне земли, или несколько ниже. Тут же помещаются огромные запасы сухих ягод толокнянки. (Это, впрочем, не единственный его корм².)

Бурундук зверок очень подвижный. Спугнутый, он с быстротой молнии взбирается по стволу дерева, издавая пронзительный писк. Взобравшись на дерево, усаживается на коротких горизонтальных сучьях, держа хвост прямо перпендикулярно телу, и в такой позе остаётся долгое время. Заметить его на дереве почти невозможно. В критическую минуту стремглав бросается с дерева вниз, почти на голову охотнику, и также быстро исчезает на другом дереве. Перед дождём³ издаёт урчанье

¹ Нам не удалось встретить её ни на Джугджуре, ни около Аяна.

² В логовищах бурундука тунгусы находили до 20 фунтов кедровых орешков.

³ По наблюдениям тунгусов.

наподобие лягушки. Только в последнее время его стали стрелять на мех.

Белка-летяга встречается очень редко. Пищуха («обокó» тунг., «таскатуях» — каменная мышь як.) так же, как и белка распространена по обеим сторонам Джугджура от Нелькана до Аяна. В большом количестве водится на Джугджуре. Живёт в камнях осыпи, питается кедровыми орешками. Назойливый писк её слышится днём и ночью. Человека подпускает близко, очень долго осматривается, нюхает окружающий воздух, и вдруг скрывается в щель между камней, но вскоре вылезает опять. Долго усаживается в удобную позу и, уставившись глазами вверх, опрокинув голову слегка назад, издаёт пронзительный вопрошающий крик, поднимая при этом передние ноги. В принятой раз позе животное подолгу остаётся на камне без движения, точно застывает. Спугнутое, исчезает вдруг в камнях. Окрашенное в буровато-серый цвет, оно почти не заметно на камнях осыпи. В Нелькане пищуха живёт около жилья, забирается в амбары, где истребляет запасы.

В значительно меньшем количестве встречается заяц («ушкан», «куобах» як., «мундукан» тунг.), горноста́й («кырына́с» як., «джелякы» тунг.), оба встречаются между Нельканом и Аяном. Заяц заходит на Джугджур. Соболь («саарбы́» як.) только в окрестностях Аяна. Мыши («кутуя́х» як., «чамукча́н» тунг.), без перерыва на Джугджуре, следуют от Нелькана до самого Аяна. Живут в густой тайге, в камнях осыпи и около жилья, где причиняют большой вред тунгусскому хозяйству.

Летучая мышь («урюмя́чи» як., «олдуки» тунг.) встречается по обеим сторонам Джугджура.

Из земноводных встречается не более двух видов. Количество их невелико. Водятся по сырым лугам и озёрам.

Снег только что сошёл, ночные minimum'ы доходили ещё до минус 6-7°C, выпадал иногда снег, но по озёрам уже начались концерты лягушек. Пение их скорее напоминает мяуканье кошек. К 11 мая на озере у кочек показалась студенистая крупная икра с чёрным пятном в центре. К этому же времени крик лягушек стал понемногу затихать, а вскоре и совсем прекратился. Лягушки очень осторожны и при малейшей опасности быстро ныряют и уже не показываются у берега. Встречаются по обеим сторонам Джугджура.

Прежде чем перейти к рыбам, упомянем, что по реке Челасину изредка встречается выдра («джужкин» тунг.); её бьют из-за меха, который ценится довольно высоко.

Джугджур является границею двух, резко обособленных отделов рыб: бассейна р. Маи и бассейна рек Охотского моря.

По р. Мае и её притокам около Нелькана видятся следующие рыбы: щука («сордон» як.), таймень («биль» як., «гуткач́ан» тунг.), линок («быит» як., «ля́ма» тунг.), ёрш («хохына́й» як., «тас-бас» каменная голова), окунь («алыга́р» як.), елец («костя́х» як., «нича́» тунг.), красноглазка («кыгы́л хара́х», «кыгыта́й» як., «тирба́» тунг.), сиг («маяга́с» як.), тугунок («се́-балык» як.), хариус, язь («тенгели»), стерлядь («хаты́с» як., «тана́» тунг.), налим («сылыга́р» як.).

Последние пять видов вообще попадают реже других. Что касается стерляди, то к Нелькану она почти не поднимается. Границей её распространения считается река Маймакан, приток Маи. Дальше вниз по Мае — это очень распространённая рыба. То же относится и к язю.

У одной из вершин Джугджура, в озере¹, из которого берёт начало река Челасин — приток Уя (впадает в Маю) — водится рыба «серга́тка», до $\frac{1}{4}$ аршина длины (по рассказам тунгуса В. Карамзина).

По рекам охотской стороны Джугджура водятся главным образом рыбы, заходящие сюда из Охотского моря для нереста.

Некоторые из них живут здесь большую часть года, другие, выметав икру, возвращаются в море, третьи, не успев вовремя вернуться в море, погибают в реках вследствие маловодья. «Майма» остаётся большую часть года в речках, поднимаясь почти до Джугджура. «Кунжса» и «чавыча» успевают возвратиться назад в море. «Горбушка» и «ня́рка» почти всегда остаются в реках, первая в большом количестве погибает здесь. Самый сильный ход рыбы бывает 15-20 июля. По словам очевидцев, дно рек кажется чёрным от массы рыбы. Вслед за рыбой поднимаются вверх по рекам тунгусы, которые ловят её. На зиму заготавливают её в виде «юколы» (вяленое рыбье мясо).

Первое время рыба держится большим руном, но чем выше пробирается по рекам, тем более разбивается на мелкие стада. Местами, где речная галька образует пороги и перекаты, рыба ползёт на брюхе, так что большая её часть торчит над водою. Здесь она выбрасывается на камни и подышает. По берегам валяются целые кучи подохшей рыбы, дно рек

¹ Абсол. высота 2886 фут. (см. Стефанович, «От Якутска до Аяна»).

иногда сплошь покрыто её скелетами или высохшими трупами. «Горбушка» и «майма» достигают в среднем 5-7 фунтов... Рыба очень красивая, с нежно-розовым мясом. К концу лета рыба худеет, изнашивается, как говорят, «лощает». У «горбушки» появляется на спине горб, конец рыла загибается кверху и сильно удлиняются зубы.

Из крупных млекопитающих следует указать прежде всего медведя («эгэ» як.). Редко встречаясь в окрестностях Нелькана, он в большом количестве распространён на Джугджуре, по обоим его склонам, где находит обильную пищу в кедровых орешках, ягодах голубицы и рыбе, которую истребляет в больших количествах; около Аяна водится по прибрежным горам. Часто появляется в Аяне, где питается нерпой, туши которой промышленники за ненадобностью бросают на берегу. Животное настолько распространённое, что редкий тунгус не имел с ним дела, и рассказы промышленников (охотников) больше всего сосредоточиваются около этого беспокойного зверя. Немалую роль играет он и в поверьях их. К нему относятся с большим благоговением, и ни один тунгус, убив медведя, не дерзнёт бросить его череп на землю. Его обыкновенно помещают на дерево или чаще, срубив лесину, ущемляют на её стволе в 2-3 аршина над землёю. Тунгусы верят, что если человеческая нога ступит на череп (или вообще на кости медведя), то рано или поздно промышленник, так небрежно отнёсшийся к останкам медведя, будет растерзан медведем же. По их рассказам, медведь — очень смыслённый зверь. Его никогда не бьют спящего (в берлоге), но всегда стараются разбудить, и потом уже сражаться с ним, так как, по их поверью, и медведь обязательно съест человека в то время, когда тот будет спать. Это опасение приходилось слышать и от русских промышленников, которых нельзя заподозрить в трусости. Жизнь медведя очень хорошо изучена тунгусами-промышленниками, и можно было бы наполнить целые тома интересными их рассказами, одинаково выясняющими как характер зверя, так и человека, которому приходится иметь с ним дело.

Ловят медведя огромными плахами, которые давят насмерть попавшего в них зверя.

Волк («бере» як., «далбагы́» тунг.) встречается одинаково как в окрестностях Нелькана, так и на Джугджуре. Питается главным образом дикими и домашними оленями и в этом отношении является злейшим врагом тунгусов, всё благосостояние которых заключается в оленьих

стадах. Может быть поэтому и к волку тунгусы питают некоторое благоговение, выражающееся в церемониях, которыми обставляется снятие шкуры и дальнейшая судьба костей и мяса. Шкуру поручают снимать древней старухе; операцию эту она должна производить в укромном месте. Туша погребается в земле в таком месте, где бы человеческая нога не могла переступить через прах волка. Тунгусы верят в месть со стороны волка, направленную именно на лицо, оскорбившее его прах.

Лисица («сагы́л») нескольких разновидностей (красная «ка́гыл», «сагы́л», чёрнобурая «хара-сагы́л» як. и др.) встречается по обеим сторонам Джугджура. Чёрнобурая и чёрная вообще считаются здесь очень редкими. Ловят её, главным образом, посредством помёта (стрихнин, искусно заделанный в мясо или в рыбу).

Лось («тая́х» як.) известный больше под именем «сахатый» одинаково у русских, якутов, и тунгусов, от Нелькана доходит до Джугджура, но по охотской его стороне встречается реже. Держится небольшими стадами. Бьют его из луков-самострелов. Северный олень («кыл» як., «бую́н» тунг. вообще зверь, «таба́» як. домашний олень, «орон» тунг.) водится в большом количестве на всём пространстве от Нелькана до Аяна. Держится в диком состоянии небольшими стадами. Стада домашних оленей пополняются из диких, которых ловят, выпуская домашних оленей. Дикие охотно пристают к домашним. Питаются круглый год мхом, весною молодыми побегами тальника и других древесных пород.

Бичом оленьих стад является олений овод¹. Личинки его, развиваясь под кожей животного, причиняют страшный зуд.

Продырявливая кожу, личинки портят оленьи шкуры. На одной свежеснятой шкуре нам удалось насчитать 92 личинки; шкура с внутренней стороны вся была покрыта пузырями, в которых помещались личинки. (Если не ошибаюсь, по определению г. Порчинского, личинка принадлежит слепню *Tabanus tarandinus*.)

Кроме овода, животные в большом количестве гибнут от «джáка», — болезни, начинающейся обыкновенно на месте раздвоения копыта гниением и распространяющейся на кожу ног; и от «та́тара» — паршей, от которых слезает шерсть с животного. Кожа страшно зудит, и животное расчёсывает её до мяса. Средств борьбы с этими бичами, доводящими тунгусов до нищеты, почти нет. Самые элементарные правила изоляции больных животных им неизвестны и непонятны. Применение их на

¹ «Табá куюктатá».

практике очень затруднительно. Павшие животные валяются в лесу, в тех же местах, где пасутся и здоровые. Сожжение павших животных невозможно уже по одному тому, что трудно отыскать труп павшего животного, так как олени широко расходятся по тайге в поисках корма.

Как бы то ни было, но население остаётся совершенно беззащитным в борьбе со врагом, разрушающим его благосостояние.

Кабарга («бючáнь» тунг.) в окрестностях Нелькана не встречается, равно как и на нельканской стороне Джугджура. Около Аяна водится по Уйскому хребту, отрогам Джугджура и по истокам реки Кильканá. Промышляют её ради меха и кабарговой «струи».

Каменный баран («чубукá» як.). Около Нелькана встречается редко, по отдалённым хребтам. Водится на Джугджуре по высоким гольцам, около Аяна на Уйском хребте. Держится парами, хотя встречается и стадами из 7-8 голов. Питается лишаями, в изобилии растущими на гольцах. На Джугджуре можно видеть узкие тропинки с вершины гольцов вниз; по этим тропинкам, зигзагообразно вьющимся по крутым склонам, бараны спускаются на водопой. На камнях осыпи часто попадаются их рога. Тунгусы промышленники подтверждают обыкновение барана в критических случаях бросаться вниз, с обрывов, на рога.

В дополнение к фауне района Нелькан-Аян считаю нужным привести сведения, которые мне удалось добыть путём опроса жителей устьев рек Маймакана и Ватанги, левых притоков р. Май. Первый впадает в Маю в 70 верстах ниже Нелькана, второй — в 30 верстах. Обе реки берут начало на Джугджуре (к югу от 56° с.ш.).

Прилёт гусей и уток на устье Маймакана происходит в начале мая. Гуменник («хонгор» як.) и казарка («лыглы́й» як.) прилетают большими стадами. Форма летящего стада или треугольник, или прямая линия. Гнездятся по берегам рек и озёрам. Отлетают к Семёнову дню (1 сентября), иногда задерживаются до Покрова (1 окт.). В большом количестве их истребляют промышленники, особенно ленных и нелётных молодых; часто травят собаками.

Из уток водятся: кряква («кёгён» як.), шилохвост («мойнёгон» як.), «чáпра», нырок («кёгелях» як.), нырок («умсах» як.), красноголовая мородушка («тойбас» як.), «уранáй» (с белым лбом); «туркан» пролетает вниз. Раньше прилетают гуси, за ними кряква, последнею прилетает «мородушка». Утки отлетают в начале сентября, часто задерживаются

до Покрова. Селезни некоторых уток остаются до Рождества за поздним выводом птенцов. Бывали нередко случаи, что находили замёрзших селезней.

Лебеди («кубá» як.) бывают пролётом. Гнездятся очень редко. Пролетают большими стадами, иногда же парами. Летят с верховьев рек Майи и Маймакана. При пролётах отдыхают дней 5-6.

Журавли («туруйя» як.). Прилетают рано, после селезнёвой утки. Гнездятся по озёрам. Отлетают в начале сентября.

Стерх («каталы́к» як.) пролетает весной, как только вскрыется р. Мая (10-15 Мая). Выпь («аны́рь» як.) водится в большом количестве. Прилетает парами, отлетает с утками. Гагары («куанга́с» як.) прилетают стаями в 10 штук, отлетают стаями по 20-30 и более штук. Гнездятся по озёрам.

Кулики («угурé», «дже́ренг», «умса́н», «эгиль», «чэ́кчэ́нга-лаабы́с» большой, белый) в большом количестве водятся по озёрам.

Чайка малая («тырахы́» як.), чайка большая («хопто»). Первая держится до Покрова. Гнездятся по реке и озёрам (и на скалах?)

Орлы: «бороло́», «то́ён», «сарбы́й» (большой), «улахáн-то́ён», «хараджангы́л» (чёрный, большой) гнездятся на скалах.

Соколы: «максогол», «хардачи», «кырбы́й» (серый), коршун («э́ле») — гнездятся в лесу. Прилетают в половине марта (каждый год в это время), живут здесь до Покрова.

Совы: «хакха́н», «куобахсы́т», «хар-эбэ́», «мякчерга́», «куйбанкы́», «сарт», «ля́скер» (тёмно-серая), «кыт» (серая) живут круглый год. («Эрбиоллях»? — не ручаюсь за точность названия, этим именем называли самую крупную сову).

Глухари, рябчики и куропатки живут круглый год. Кукушка («кягя́») прилетает к Николину дню. Обыкновенно кукует до Петрова дня. В дождливое время кукует дольше.

Ворóны («тура́х») прилетают к началу апреля, отлетают к Покрову. Иногда держатся до зимы. Гнездятся в лесу.

Во́рон («суо́р») живёт круглый год. Кукша («кука́кы») — круглый год. Дятлы (чёрный «киргиль», и рябой «тонсогой») держатся в лесу круглый год.

Снегири («туллу́к») прилетают к 1 марта, живут до Николина дня, потом улетают; летом их не бывает.

Клёст («ымы́») — круглый год, как и чечётка («ча́рос»).

Жаворонок («кяряга́й» — дословно «парящий») прилетает к Николину дню.

Петушок турухтан («селля́х, «хонубаря́гя», «барáх» як., по-тунгусски «лам») живёт круглый год.

Жаворонок снежный (по Серошевскому — «сыр-чичя́гá») прилетает на лето.

Трясогузка («сылгы-чича́га» лошадиная птичка и «ынах-чича́га» коровья птичка) прилетают весной.

Ласточки и стрижи («тас-харангачи») — каменная ласточка — белая грудь, чёрная спина, хвост развилком; «сыр-харангачи»¹ — белая грудь, чёрная спинка, хвост без развилка; «дже-харангачи́» — домовая ласточка, грудь красная, спина чёрная, хвост развилком) прилетают к Николину дню, отлетают к августу. Перед отлётом собираются большими стадами и улетают вдруг.

Из млекопитающих: медведи, волки, лисицы (6 названий), зайцы (мало), рыси, росوماхи. Дикий и домашний олень. Лось (сохатый), встречаются экземпляры лося до 20 пудов весом. Белка, белка-летяга.

Что касается устьев Ватанги, то прилёт, и пролёт птиц начинается около половины апреля. В холодные зимы несколько позже.

Из млекопитающих водятся названные выше.

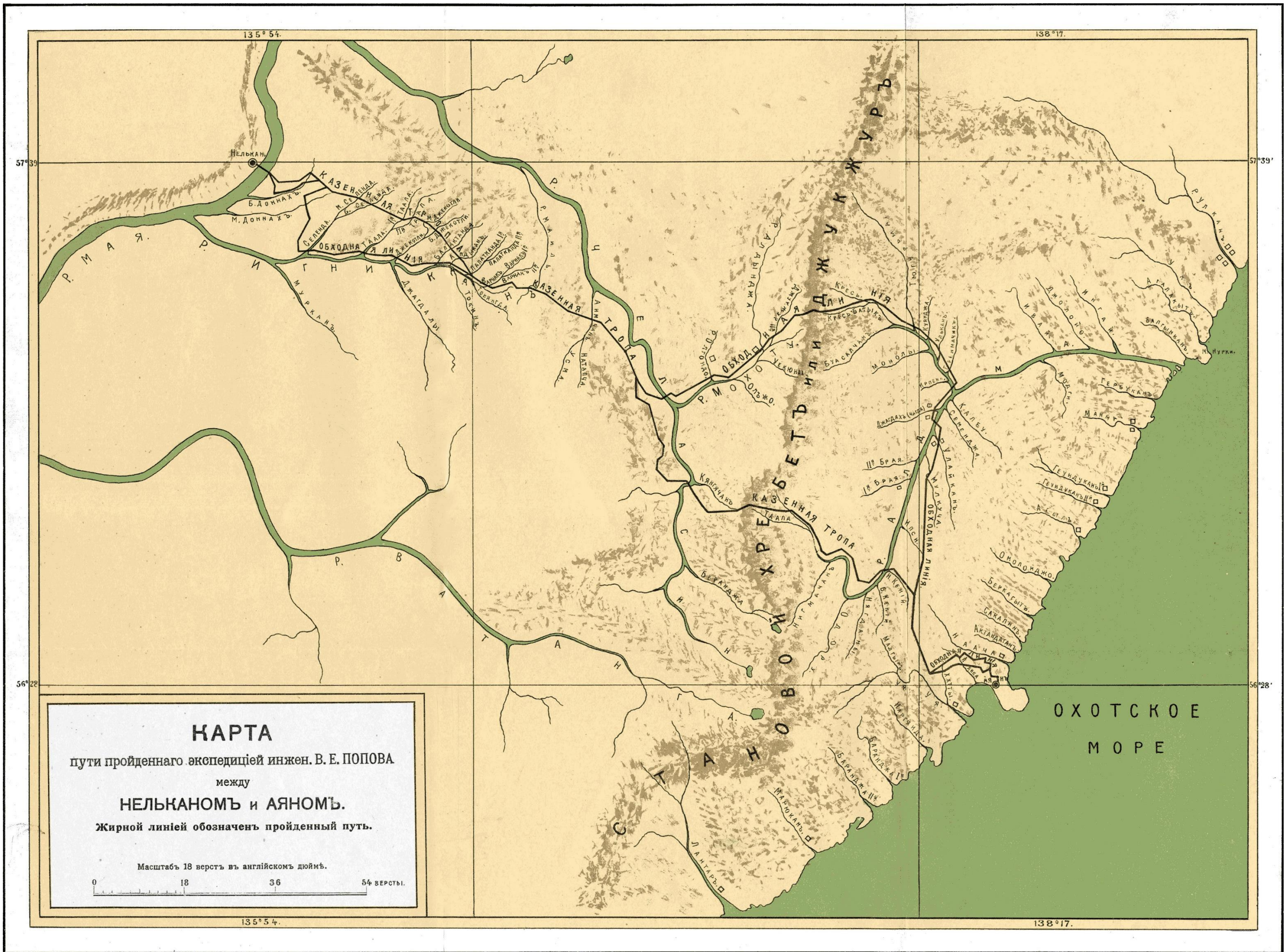
Белка только за последние три года показалась более или менее в заметном количестве. В прежние годы её почти не было. Старик-тунгус объяснил это неурожаем грибов — более нечего было есть.

Лось (сохатый) появился в здешних местах всего восемь лет назад, раньше он здесь не водился.

OCR Андрей Дуглас, 2023

Типо-литография Т-ва И.И. Кушнерёв
Москва, Пименовская улица, собственный дом.
1907 г.

¹ «Сыр» — пригорок.

КАРТА
 пути пройденнаго экспедиціей инжен. В. Е. ПОПОВА
 между
НЕЛЬКАНОМЪ и АЯНОМЪ.
 Жирной линіей обозначенъ пройденный путь.

Масштабъ 18 верстъ въ англійскомъ дюймѣ.

0 18 36 54 ВЕРСТЫ.